

Уважаемые коллеги!

Первый в 2021 году номер журнала «Адвокатские вести России» перед вами. Мы рады, что вот уже более двадцати лет вы, наши постоянные авторы и преданные читатели, были вместе с нами. Несмотря на различные проблемы, связанные с пандемией не только в нашей стране, но и во всем мире, надеемся, что в нынешнем году мы не разочаруем всех тех, кто в нас верит и для кого мы стараемся делать журнал все более интересным и полезным.

Как обычно, на страницах журнала освещаются наиболее актуальные новости в области адвокатуры и юриспруденции, произошедшие в России и адвокатском сообществе за последнее время, рассказываем об участии Гильдии российских адвокатов, Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Федеральной палаты адвокатов РФ, Российской академии адвокатуры и нотариата в жизни страны, делимся с вами событиями, происходящими в наших организациях. Конечно, по объективным причинам наша общественная деятельность стала не такой активной, как ранее, но все же различные мероприятия проходят, глобальные вопросы обсуждаются и решаются, хотя часто и в онлайн-формате. Например, в Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству по видеоконференц-связи прошел круглый стол, посвященный ключевым вопросам развития в России института финансирования судебного представительства. Провели мы в очном и онлайн-формате отчетно-выборную конференцию коллегии адвокатов «Московский юридический центр». Состоялось онлайн-совещание по развитию связей между соотечественниками и деловыми кругами столицы, где я выступил в качестве президента МАРА. Также в онлайн-формате прошли XII Международный научно-практический семинар из цикла «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество» и международная научно-методическая конференция «Качество юридического образования в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса». В самом конце 2020 года состоялась внеочередная конференция Международного совета российских соотечественников (МСРС). Так что, как видите, дела идут, на месте не стоим.

Совсем скоро, в апреле 2021 года, должен открыться очередной Всероссийский съезд адвокатов, а накануне пройдут очередное заседание Исполкома Гильдии российских адвокатов и съезд Гильдии российских адвокатов. К съезду Федеральная палата адвокатов России подготовила «Предложения по обсуждению поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката», которые разместила на своем сайте. Мы решили предложить нашим коллегам, адвокатам, высказаться на страницах нашего журнала по поводу этих поправок. Что из этого вышло – читайте на страницах нового номера «Адвокатские вести России».

Некоторые адвокаты вместо того, чтобы заниматься консолидацией и объединением адвокатского сообщества, ударились в политику. Мы это не поддерживаем. Гильдия российских адвокатов была учреждена для защиты профессиональных прав адвокатов – членов адвокатских образований, входящих в ГРА. Также мы всегда выступали и будем выступать за единство и сплоченность адвокатского сообщества, повышение статуса адвоката, престижность нашей профессии.

Г.Б. МИРЗОЕВ,
президент Гильдии российских адвокатов,
председатель редакционного совета журнала «Адвокатские вести России»

Журнал основан в мае 2000 года, перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 04 апреля 2012 года. Свидетельство ПИ № 77-49336.

Учредитель и издатель:
Гильдия российских адвокатов.
Адрес и телефон редакции: 105120, Москва,
М. Полужрославский пер., 3/5, тел.: (495) 917-22-39,
факс: (495) 917-30-67. E-mail: a_vesti@inbox.ru.

Выход в свет № 1–2'2021 25.02.2020.

Подписной индекс издания: 70181.

Тираж: 1 000 экз.
Цена: свободная.

Типография: ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль, ул. Клубная, д.4-49,
тел.: +7-905-131-44-36.

Отчетно-выборная конференция коллегии адвокатов «Московский юридический центр»

9 декабря 2020 года в Центральном доме адвоката в очном и онлайн-формате состоялась отчетно-выборная конференция коллегии адвокатов «Московский юридический центр». Вел заседание член Президиума КА «Мосюрцентр» А.М. Смирнов.

На конференции обсуждались организационные, кадровые и другие актуальные вопросы, касающиеся деятельности коллегии.

В начале заседания председатель президиума, президент Гильдии российских адвокатов Г.Б. Мирзоев попросил почтить память минутой скорбного молчания бывших коллег: С.И. Демина, Д.В. Харламова, М.А. Князева, И.В. Панцхавуа, А.М. Ромашова, Д.Д. Давитадзе, Л.И. Макарову, Ю.И. Никитина, А.И. Пылева.

Далее Г.Б. Мирзоев выступил с отчетом Президиума о работе за период 2016-2020 гг. В настоящее время истекает срок полномочий органов самоуправления коллегии, в связи с этим и была созвана отчетно-выборная конференция.

В отчете было указано, что коллегия добилась ощутимых успехов и твердо закрепила за собой достойное место в российской адвокатуре. Благодаря принимаемым организационным мерам и щадящей финансовой политике по отношению к адвокатам в отчетном периоде удалось обеспечить стабильное положение коллегии, ее численный состав составляет 438 человек.

Работа Президиума коллегии в отчетный период была направлена на развитие организованности и стабильности в работе подразделений, обеспечения необходимых материально-технических условий и защищенности адвокатов. Работа Президиума строилась на принципе уважительного отношения к членам коллегии, обеспечению их независимости, взаимопомощи, корпоративной самостоятельности и надежности.

В отчетном периоде Президиум рассматривал и принимал

решения, направленные на укрепление и дальнейшее развитие коллегии. Особое внимание уделялось финансовому положению коллегии и ее подразделений, задачам по организации профессиональной подготовки адвокатов, стажеров и помощников, дисциплинарной практике, вопросам награждения и поощрения адвокатов.

Президиум внимательно следил за законотворческими инициативами в РФ и незамедлительно реагировал в форме заявлений, предоставления проектов законов, разъяснений по вопросам, касающимся положения адвокатов в структуре общественных и государственных институтов.

Президиум коллегии уделял и уделяет постоянное внимание вопросам повышения профессиональной ответственности адвокатов, требовательности к соблюдению положений Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ, а также Кодекса профессиональной этики адвоката, организации профессиональной учебы, формированию этически правильных, выверенных отношений с доверителями.

В коллегии и ее подразделениях есть все условия для приема граждан и оказания им профессиональной правовой помощи. Была создана и действует «Приемная», которая квалифицированно, с использованием современных технических средств и возможностей Интернета работает на привлечение доверителей. В деятельности «Приемной» принимают участие опытные адвокаты из различных подразделений коллегии.

Президиум постоянно обращает внимание на необходимость поощрения адвокатов за компетентность, добросовестность, активное участие в общественной жизни. Наиболее отличившиеся адвокаты представлялись для поощрения адвокатскими наградами имени Ф.Н. Плевако, наградами Федеральной палаты адвокатов РФ и Гильдии российских адвокатов.

Президиум и руководство коллегии предпринимают необходимые усилия для решения общих социальных вопросов. Президиум систематически рассматривает вопросы вовлечения адвокатов в систему профессиональной учебы, которая успешно функционирует в Российской академии адвокатуры и нотариата.

В обсуждении доклада приняли участие А.М. Смирнов, Ю.С. Кручинин, Л.А. Савельева, Б. Г. Соловьев.

Отчет Ревизионной комиссии о состоянии финансово-хозяйственной деятельности коллегии адвокатов за 2016-2020 гг. представила председатель Ревизионной комиссии Е.В. Пешкова.

По вопросу об избрании председателя Президиума коллегии адвокатов выступил первый заместитель председа-

теля Президиума Ю.С. Кручинин. На пост председателя Президиума коллегии адвокатов «Московский юридический центр» на следующие пять лет единогласно был избран Г.Б. Мирзоев.

Также были избраны новые члены Президиума: А.В. Баканов, З.Я. Беньямина, Ю.С. Кручинин, Г.Б. Мирзоев, Ю.А. Платонов, А.В. Рагулин, Л.А. Савельева, Е.В. Пешкова, А.М.

Смирнов, А.В. Сапронов, Ю.Н. Шевченко и избраны члены Ревизионной комиссии.

Участниками конференции был рассмотрен вопрос о создании Совета старейшин коллегии адвокатов «Московский юридический центр». Членам Президиума было поручено разработать положение о Совете старейшин и представить его на обсуждение.

11 декабря 2020 года – день рождения Гасана Борисовича Мирзоева

На имя президента Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, председателя Президиума Международного совета российских соотечественников, президента Гильдии российских адвокатов, ректора Российской академии адвокатуры и нотариата, председателя президиума коллегии адвокатов «Московский юридический центр», председателя редакционного совета журнала «Адвокатские вести России», главного редактора журнала «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата», заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора Гасана Борисовича Мирзоева пришли многочисленные поздравления с Днем рождения.

Правительственные телеграммы поступили из Совета Федерации ФС РФ, Государственной Думы ФС РФ, МИД России, Совета безопасности РФ, Следственного Комитета РФ, МВД России, ФСБ России, Генеральной прокуратуры РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Аппарата фракции «Единая Россия», Московской го-

родской Думы, президента Приднестровской Молдавской Республики, председателя Верховного суда ПМР, министра иностранных дел ПМР, Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Республике Молдова, от глав регионов, министерств и ведомств.

Теплые пожелания здоровья, дальнейших профессиональных успехов, энергии и оптимизма имениннику направили президент Федеральной палаты адвокатов РФ Ю.С. Пилипенко, вице-президент ФПА РФ, президент АП Московской области А.П. Галоганов, члены Совета ФПА РФ, президент Адвокатской палаты г. Москвы И.А. Поляков, президент Федеральной нотариальной палаты К.А. Корсик, председатель Московского областного суда А.С. Харламов, заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный представитель Республики Крым при Президенте РФ Г. Л. Мурадов, руководители региональных адвокатских палат, ректоры российских и зарубежных вузов и многие другие.

XII Международный научно-практический семинар из цикла «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество»

17 декабря 2020 года президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, председатель Президиума Международного совета российских соотечественников, ректор РАНГ Г. Б. Мирзоев выступил с приветственным обращением на XII Международном научно-практическом семинаре из цикла «Диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество», который проводился в онлайн-формате.

Организатор мероприятия ФГБОУ ВО «Московский

педагогический государственный университет» при поддержке Секретариата Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Евразийской ассоциации педагогических университетов, Международного педагогического общества в поддержку русского языка, Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы.

Цель семинара: обмен опытом и практическими работами ученых, экспертов, специалистов, представителей образовательных и общественных организаций по широкому кругу вопросов, связанных с процессами интеграции в школе и обществе, и с акцентом на комплекс вызовов, с которыми столкнулся мир в 2020 году.

К участию были приглашены представители образовательных организаций общего, профессионального, высшего и дополнительного образования из России и зарубежных стран, а также от международного экспертного и академического сообществ.

В своем обращении к участникам Г.Б. Мирзоев отметил, «что в настоящее время происходит информационное давление на русские школы за рубежом, вводятся все новые запреты на образование на русском языке в зарубежных странах. Такое положение характерно для США, стран Западной Европы, а также ряда стран постсоветского пространства. Все это происходит на фоне массивного информационного давления антироссийского, а в ряде случаев откровенно русофобского характера. Поэтому перед русскими школами за рубежом стоит актуальная задача не только совершенствовать методику и эффективность образовательного процесса, но и защищать само право российских соотечественников, проживающих за рубежом, на получение образования на русском языке».

Г.Б. Мирзоев подчеркнул, что «право национальных меньшинств на получение образования на родном языке является одним из основополагающих и общепризнанных в мировой практике прав человека. Благодаря тому, что Международный совет российских соотечественников (МСРС) обладает специальным консультативным статусом при Экономическом и Социальном Совете ООН, наши представители имеют возможность вести упорную и активную

борьбу в защиту русского языка и образования на русском языке на крупнейших международных площадках.

На протяжении нескольких последних лет делегации МСРС, куда входят также и представители Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (МАРА), принимают постоянное участие в сессиях Совета ООН по правам человека, которые проходят в Женеве (Швейцария) три раза в год. Наши представители выступают там с устными заявлениями, в которых освещают грубые нарушения прав российских соотечественников на получение образования на русском языке – прежде всего в таких странах, как Украина, Латвия, Эстония, Молдавия и ряд других. Помимо устных выступлений мы также публикуем в официальных документах ООН письменные заявления по данной тематике. Такая деятельность позволяет информировать мировое сообщество о нарушениях прав человека в указанных странах.

Помимо участия в сессиях СП ООН представители МСРС и МАРА участвуют в регулярных форумах по правам меньшинств, также проходящих под эгидой ООН и на конференциях ОБСЕ. Для более полного информирования мирового сообщества и зарубежных СМИ о ситуации, складывающейся с образованием на русском языке, мы также организуем на площадках ООН специальные мероприятия, куда приглашаются сотрудники международных организаций, представители СМИ и зарубежных неправительственных организаций. Так, например, в 2019 году на полях 40-й сессии СПЧ ООН Постоянным представительством РФ при женевском офисе ООН при организационном содействии МСРС был проведен круглый стол на тему «Борьба с дискриминацией на основе языка», в работе которого приняли участие члены делегации МСРС и МАРА».

В заключение Г.Б. Мирзоев обратился к участникам семинара – представителям педагогического сообщества с предложением информировать о фактах нарушений, касающихся русского языка и образования на русском языке. «Будем также рады, если вы изъявите желание выступить в Совете по правам человека ООН по данной тематике в составе делегации МСРС и МАРА», – подчеркнул Г.Б. Мирзоев.

Международная конференция «Качество юридического образования в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса»

24 декабря 2020 года в режиме видео-конференц-связи состоялась международная научно-методическая конференция «Качество юридического образования в условиях

дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса», организованная Ассоциацией юридического образования, Уральским государственным юриди-

ческим университетом и Экспертным центром Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции.

В работе конференции приняли участие ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, член президиума АЮРО, член Правления Экспертного центра АЮР по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции Г.Б. Мирзоев, проректор РААН З.Я. Беньяминова и ученый секретарь – начальник учебно-методического отдела РААН Ю.Н. Богданова.

С приветствием к участникам конференции обратились ректор Уральского государственного юридического университета, профессор В.А. Бублик и председатель правления АЮРО, заместитель начальника Учебно-методического

управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) А.С. Чанышев.

Целью конференции стало выявление современных проблем юридического образования, обмен уже накопленным опытом взаимодействия с обучающимися в дистанционном формате. Были обсуждены такие важные вопросы, как: особенности методического сопровождения самостоятельной работы студента; подходы к подаче информации для обучающихся через цифровую среду вуза; взаимодействие преподавателя и студента в электронной среде; формат экзамена в условиях применения дистанционных технологий; успешные практики преподавания в условиях дистанционного обучения; использование сторонних ресурсов в практике преподавания; особенности преподавания отдельных дисциплин в режиме онлайн.

Внеочередная Конференция Международного совета российских соотечественников

24 декабря 2020 года состоялась внеочередная конференция Международного совета российских соотечественников (МСРС), которую провел председатель Президиума

МСРС, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов Г.Б. Мирзоев.

На повестку конференции были вынесены следующие вопросы:

- О внесении изменений в Устав МСРС от 2005 г. для приведения его в соответствие с действующим законодательством РФ.
- О подтверждении полномочий руководящих органов МСРС.
- О подтверждении полномочий Председателя Президиума МСРС.

По первому вопросу выступил председатель Президиума МСРС Г.Б. Мирзоев. Он отметил, что после принятия действующего Устава МСРС в 2005 году в российском законодательстве, касающемся деятельности общественных и некоммерческих организаций, произошел ряд изменений,

в связи с чем необходимо обсудить и внести изменения в Устав МСРС.

В связи с этим было предложено изменить Раздел VI Устава МСРС, касающийся полномочий руководящих органов МСРС. С учетом высказанных замечаний и предложенных изменения в Устав МСРС были приняты единогласно.

Далее Г.Б. Мирзоев выступил по вопросу подтверждения полномочий руководящих органов МСРС. В соответствии с действующим законодательством, а также изменениями в Уставе МСРС и с учетом сокращения членов МСРС было предложено оставить только один постоянно действующий руководящий орган организации – Правление МСРС, включив в него всех членов Правления, избранных на Пятой отчетно-выборной конференции МСРС.

По вопросу подтверждения полномочий председателя Правления МСРС выступил Исполнительный секретарь МСРС М.Ю. Неборский. Он отметил, что в соответствии с

утвержденными путем голосования изменениями в Устав МСРС высшее должностное лицо организации избирается Конференцией (Общим собранием) членов организации. На прошедшем заседании Правления МСРС в ходе пятой ОВК председателем Президиума МСРС был избран Г.Б. Мирзоев. Докладчик предложил изменить название высшего должностного лица МСРС на «Председатель МСРС», что было установлено еще на четвертой ОВК в 2012 году, но не внесено в Устав МСРС, и попросил проголосовать за подтверждение избрания Г.Б. Мирзоева Председателем МСРС. Г.Б. Мирзоев был единогласно избран Председателем МСРС на пятилетний срок.

В заключение Г.Б. Мирзоев поздравил участников конференции с предстоящими новогодними праздниками и Рождеством, поблагодарил за добросовестную работу, профессионализм и неравнодушие и пожелал всем здоровья и благополучия.

Награды нашим адвокатам

За прошедшее после выхода последнего номера журнала «Адвокатские вести России» время президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата Г.Б. Мирзоев вручил адвокатские награды следующим адвокатам.

2 декабря 2020 года нагрудный знак «Почетный адвокат России» был вручен члену коллегии адвокатов «Московский юридический центр» Андрею Витальевичу Широбакину.

3 декабря 2020 года нагрудный знак «Почетный адвокат России» вручен члену Гильдии российских адвокатов Александру Анатольевичу Долгополову. Г.Б. Мирзоев поздравил А.А. Долгополова с наградой и

профессиональным праздником – Днем юриста и поблагодарил за добросовестное исполнение профессиональных обязанностей, участие в деятельности Гильдии российских адвокатов.

Знаки отличия ГРА «За вклад в развитие адвокатуры» были вручены членам коллегии адвокатов «Московский юридический центр» Елене Викторовне Юзефович, Люму Султановичу Бичуеву и Дмитрию Михайловичу Бухарскому.

Г.Б. Мирзоев тепло поблагодарил коллег за добросовестное исполнение профессиональных обязанностей, участие в деятельности Гильдии российских адвокатов.

9 декабря 2020 года в ходе заседания Президиума Международной ассоциации русскоязычных адвокатов (МАРА) свидетельство и удостоверение члена МАРА получила юрист международной юридической компании «Базоев, Рутман и партнеры» Лариса Васильевна Базоева, которая стала полномочным представителем МАРА в Республике Северная Осетия – Алания.

14 декабря 2020 г. Почетная грамота Гильдии российских адвокатов была вручена члену коллегии адвокатов «Московский юридический центр» Николаю Николаевичу

Полозову. Такая грамота вручается наиболее отличившимся адвокатам за достижение положительных результатов в защите прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

21 декабря 2020 года Знак отличия ГРА «За вклад в развитие адвокатуры» был вручен члену коллегии адвокатов «Московский юридический центр», преподавателю кафедры гражданско-правовых дисциплин РГГУ Фазилу Алишевичу Ибрагимову. Г.Б.Мирзоев высоко оценил профессиональные качества Ф.А. Ибрагимова и поблагодарил за добросовестное исполнение обязанностей, участие в деятельности Гильдии российских адвокатов.

28 декабря 2020 года нагрудный знак «Почетный адвокат России» получил адвокат Московского адвокатского агентства № 1 Евгений Викторович Харламов. Г.Б. Мирзоев поздравил Е.В. Харламова с высокой наградой и пожелал дальнейших успехов в профессиональной деятельности.

12 января 2021 года медаль «За вклад в защиту Русского мира» была вручена члену МАРА, члену коллегии адвокатов «Московский юридический центр» Азери Исмаиловичу Алиеву. Г.Б. Мирзоев поздравил А.И. Алиева с прошедшим юбилеем, высокой наградой и пожелал дальнейших успехов в профессиональной деятельности.

Рубрика «Факты. Сообщения. События» подготовлена пресс-секретарем Гильдии российских адвокатов, нашим специальным корреспондентом В.Н. Еремченко

МАРА, ГРА и РААН окажут информационную поддержку XVI Всероссийскому конкурсу «Правовая Россия»

12 декабря 2020 г. Российская ассоциация правовой информации ГАРАНТ при поддержке Совета судей РФ объявила о начале XVI Всероссийского профессионального конкурса «Правовая Россия».

Международная ассоциация русскоязычных адвокатов, Гильдия российских адвокатов, Российская академия адвокатуры и нотариата выступают информационными партнерами конкурса. Президент МАРА, президент ГРА, ректор РААН, заслуженный юрист РФ, профессор Г.Б. Мирзоев входит в состав Научно-экспертного совета и жюри конкурса.

В этом году ГАРАНТу исполняется 30 лет. В связи с этой знаменательной датой организатор учредил дополнительную юбилейную номинацию «ГАРАНТ. Правовые технологии будущего». Каждый прошедший в основной тур может выбрать ее в качестве второй или третьей. Всего в конкурсе двенадцать номинаций. Свой выбор необходимо сделать перед получением заданий основного тура. Для студентов вузов юридических и экономических специальностей предусмотрено отдельное испытание – «Правовая надежда России». Для представителей журналистской профессии (печатных и интернет-изданий, радио и телевидения) – «СМИ за правовую Россию».

Все этапы конкурса традиционно будут проходить дистанционно на сайте www.garant.ru/konkurs.

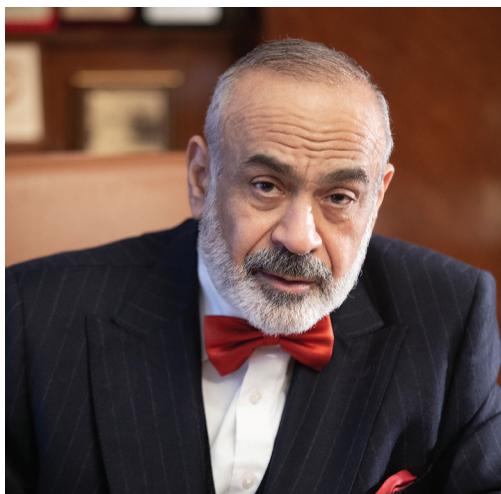
Уровень профессиональных знаний определяют члены Научно-экспертного совета и жюри. Подведение итогов и торжественное награждение победителей и лауреатов с вручением почетных дипломов и ценных призов состоится в Москве в конце мая 2021 года.

Подробная информация об условиях участия размещена на сайте www.garant.ru/konkurs.

Обсудим поправки в Кодекс профессиональной этики адвоката

29 декабря 2020 года на сайте Общероссийской негосударственной некоммерческой организации «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» были размещены «Предложения по обсуждению поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката». Мы предложили российским адвокатам высказаться на страницах нашего журнала по поводу этих поправок.

Г.Б. МИРЗОЕВ,
президент Гильдии российских адвокатов

А.В. РАГУЛИН
вице-президент Гильдии
российских адвокатов

При обсуждении изменений в КПЭА надо выслушать всех адвокатов!

Из преамбулы опубликованного на сайте ФПА РФ документа следует, что ФПА РФ, не раскрывая широкой общественности суть ранее предложенных поправок в КПЭА, организовала их закрытое обсуждение с привлечением не известных широкой общественности лиц в состав «рабочей группы», которая по непонятным и не сообщенным никому мотивам часть из ранее предложенных поправок отвергла, а часть вынесла на обсуждение.

При этом обсуждались лишь поправки, поступавшие от адвокатских палат, а иные предложения, направлявшиеся адвокатами и их общественными объединениями, стало быть, не обсуждались и не будут обсуждаться. Установлено, что лишь органы корпоративного управления адвокатурой вправе представлять в «рабочую группу» свои

предложения и мнения относительно поправок, а адвокаты и их общественные объединения ограничиваются в этом праве.

В конечном итоге решать судьбу поправок в КПЭА будут управленцы от адвокатуры и приглашенные ими к этому лица, но не адвокаты, однако необходимость формирования общих правил поведения предполагает, что перед их введением они должны быть подвергнуты широкому обсуждению с привлечением как можно большего числа адвокатов, представителей их общественных объединений, а не только тех адвокатов, которые входят в состав органов корпоративного управления.

Теперь разберемся в содержании поправок и отметим наиболее значимые из них.

Разработчики проекта предлагают включить в ст. 9

КПЭА пункт 6 в следующей редакции: «В целях предупреждения нанесения ущерба авторитету адвокатуры вице-президент адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и в исключительных случаях вице-президент Федеральной палаты адвокатов вправе направить адвокату предупреждение о недопустимости нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса».

Данное предложение для адвокатуры является новым, ибо в настоящее время в силу действия ст. 20 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» правом на вынесение предупреждений физическим лицам обладают лишь прокурор, должностные лица органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, Следственного комитета РФ, Федеральной службы безопасности. Получается, что ФПА РФ, взяв за основу опыт деятельности правоохранительных органов, высказывает намерение возложить на вице-президентов адвокатских палат субъектов РФ (непонятно, кстати, почему именно на них) функцию неких внутрикорпоративных «прокуроров», предоставив им право оказания индивидуального «профилактического» воздействия на конкретных адвокатов. Последствием предоставления такого права будет являться санкционирование социальной стигматизации, представляющей собой процесс «наклеивания ярлыка» «девианта» на конкретного адвоката.

Таким образом, ФПА РФ предлагает ввести в КПЭА механизм, ведущий к официально-поддерживаемой органами корпоративного управления социальной стигматизации и последующей дискриминации отдельных адвокатов внутри адвокатского сообщества. Очевидно, что данное предложение, наряду с его абсурдностью, в формально-юридическом смысле вступает в явное противоречие с принципом равноправия адвокатов, закрепленным в положениях ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Следующее предложение рабочей группы состоит во включении в ст. 15 КПЭА следующего запрета: «Адвокат не должен: 4) вмешиваться в какой бы то ни было форме во внутренние дела адвокатской палаты или адвокатского образования, членом которых он не является, за исключением участия в реализации полномочий Федеральной палаты адвокатов, адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и их органов, а также призывать к вмешательству в указанные дела органы государственной власти или органы местного самоуправления».

Имеются основания полагать, что содержание проектируемой нормы направлено на поддержание ситуации, сложившейся к настоящему времени в российской адвокатуре, при которой адвокаты серьезно ограничены в праве эффективно влиять на принимаемые решения и в пра-

ве избирать и быть избранными в органы корпоративного управления, а также на самозащиту лиц, являющихся членами органов корпоративного управления от воздействия со стороны адвокатов.

При возможном последующем применении данной нормы все адвокаты РФ могут утратить возможность какого-либо влияния на любые действия и решения ФПА под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности. Из содержания проектируемой нормы также следует, что одновременно с устанавливаемым для адвокатов запретом ФПА и адвокатские палаты субъектов РФ приобретают формально закрепленное в КПЭА право на вмешательство во «внутренние дела» адвокатских палат и адвокатских образований, мотивируя эти действия реализацией их полномочий.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Проектируемые запреты и ограничения могут быть признаны приемлемыми в формально-юридическом смысле лишь тогда, когда они обосновываются приведенными выше целями и лишь тогда, когда они будут предусмотрены положениями Федерального закона. Запреты такого рода в КПЭА – незаконны.

Проектируемое положение не только не соответствует закону, но и противоречит таким значимым элементам принципа правовой определенности, как предоставление лицу возможности прогнозировать последствия своего поведения, наличие оснований для допустимых ограничений, ясность, точность, стабильность правового регулирования, предсказуемость норм, недопустимость произвола и применения непрозрачных методов. Кроме того, данное положение обладает явно выраженным «замораживающим эффектом».

Отметим, что предлагаемое к принятию положение основано на неправильном, ограничительном понимании принципа корпоративности в адвокатуре. Наличие в адвокатуре органов корпоративного управления разных уровней не означает, что адвокат, состоя в адвокатской палате субъекта РФ и являясь ее членом в гражданско-правовом смысле, каким-то образом перестает быть членом единой корпорации адвокатов.

Рабочей группой ФПА РФ также предложено закрепить в ст. 15 КПЭА еще одно новое правило поведения, согласно которому «адвокат обязан уведомить Совет о намерении самостоятельно обратиться в суд, правоохранительные или иные органы государственной власти в отношении другого адвоката (адвокатского образования)»,

с указанием на то, что «такое обращение является основанием для реагирования органов адвокатского самоуправления».

Следует отметить, что из этой нормы не ясно, в Совет какой адвокатской палаты должен обратиться адвокат в случае, если он намерен самостоятельно обратиться в государственные органы относительно действий адвоката – члена другой адвокатской палаты – в Совет «своей» палаты, или в Совет «чужой» палаты. Не ясными остаются и конкретные формы реагирования органов адвокатских палат на подобные обращения.

В то же время, поскольку действующее законодательство не требует от адвоката воздерживаться от «вмешательства» в «дела» адвокатских палат, адвокатских образований, не требует уведомлять кого-либо о произведенном обращении в любые государственные органы или органы местного самоуправления, либо о намерении обращения к ним относительно действий кого бы то ни было, предлагаемые к введению правила являются противоречащими законодательству. При этом очевидно, что предусмотренные законом обращения адвокатов относительно деятельности органов корпоративного управления адвокатурой в государственные органы по любым вопросам о нарушении прав граждан или организаций не могут охватываться понятием «вмешательство во внутренние дела».

Не может не вызвать возражений и предложение разработчиков проекта поправок отказаться от установленного в п. 5 ст. 18 КПЭА срока давности на применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности позднее шестимесячного срока со дня обнаружения проступка. Следует отметить, что, согласно прецедентной практике ЕСПЧ, установление срока давности предназначено для обеспечения должного отправления правосудия и соответствия принципу правовой определенности. Не соответствующим этим принципам является и альтернативное предложение ФПА РФ об установлении возможности приостановления течения полугодового срока волонтеристским решением органа, рассматривающего дисциплинарное дело на основе наличия прямо не определенных в положениях КПЭА «уважительных обстоятельств».

В то же время следует поддержать предложение об исключении из действующей редакции п. 2 ст. 25 КПЭА ограничения на обжалование в суд решения Совета адвокатской палаты о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности только по основаниям нарушения процедуры его принятия.

Также следует поддержать предложение о введении в ч. 2 ст. 18 КПЭА положения о том, что «не является проступком нарушение, совершенное в состоянии крайней необходимости». Крайняя необходимость – это такое по-

ложение лица, при котором оно вынуждено для предотвращения значительного вреда одним, более ценным охраняемым интересам, причинить в качестве крайней меры менее значительный вред другим, менее ценным охраняемым интересам.

Целесообразно и внесение в ст. 24 КПЭА пункта о расширении полномочий Совета адвокатской палаты в части пересмотра решения квалификационной комиссии, поскольку оно позволит несколько оптимизировать деятельность Совета палаты при рассмотрении дисциплинарных производств.

В рамках открытых обсуждений, инициированных представителями общественных объединений адвокатов, высказывается идея о необходимости отмены КПЭА и введения вместо него Правил адвокатской профессии, в том числе по причине того, что КПЭА позволяет осуществлять необоснованные преследования адвокатов за действия, волонтеристски подведенные под конкретные его статьи и объявленные нарушениями. Причем «нарушения» нередко лишь косвенно связаны либо даже совсем не связаны с профессиональной деятельностью адвоката. Мы предлагаем детально рассмотреть и проработать всеми представителями адвокатского сообщества вопрос о замене КПЭА правилами адвокатской профессии. Но пока это не осуществлено – предложим новые идеи для обсуждения в действующий КПЭА.

К наиболее значимым идеям организационно-процедурного свойства, которые, как нам представляется, могут быть реализованы в положениях КПЭА, необходимо отметить следующие:

- ввести в текст презумпцию добросовестности адвоката;
- ввести прямой запрет на корректировку правил дисциплинарного производства внутренними актами адвокатских палат и ФПА РФ;
- ввести институт отвода членам квалификационной комиссии и совета адвокатской палаты, КЭС и Совета ФПА РФ при рассмотрении дисциплинарного дела;
- предусмотреть недопустимость участия вице-президента палаты, внесшего представление о возбуждении дисциплинарного производства (являющегося по должности членом Совета палаты), в обсуждении такого дисциплинарного производства на заседании Совета и голосовании по нему в качестве члена Совета;
- расширить права адвоката как участника дисциплинарного производства на представление доказательств, предоставить ему право представлять новые доказательства в Совет палаты;
- установить режим тайны совещательной комнаты при вынесении решений квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты;

– увеличить срок на подачу адвокатом заявления о несогласии с заключением квалификационной комиссии;

– установить конкретный срок, в течение которого заключение квалификационной комиссии подлежит вручению адвокату в соотношении со сроком назначения заседания совета по рассмотрению конкретного дисциплинарного производства;

– детализировать процедуру рассмотрения дисциплинарного дела в Совете адвокатской палаты;

– установить четкие требования о протоколировании заседания по рассмотрению дисциплинарного дела, предоставить адвокату право на осуществление аудиозаписи заседания, на представление замечаний на протокол заседания.

К наиболее значимым идеям, имеющим материально-правовые свойства, представляется необходимым отнестись следующие предложения:

– внести в КПЭА положение о том, что никакая его норма не должна толковаться как ограничивающая или умаляющая права и свободы членов адвокатского сообщества как граждан, а также принципы законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов, на основании которых действует адвокатура;

– установить в КПЭА недопустимость использования дисциплинарного производства в отношении адвоката в целях осуществления его преследования за высказанную и поддерживаемую им позицию по делу, а также за высказывание критических замечаний, в том числе относи-

тельно деятельности органов адвокатского управления, их руководителей и сотрудников;

– установить, что сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, не может быть признано нарушением КПЭА в случае разового, на бесконтактной основе, сотрудничества адвоката с этими органами в ситуациях, когда защитить собственные интересы, а также интересы доверителя иным образом адвокату не представлялось возможным (п. 3 ст. 9);

– обозначить в КПЭА (пп. 1 п. 2 ст. 15), что адвокат не должен распространять именно несоответствующие действительности сведения, умаляющие авторитет адвокатуры;

– предусмотреть новую меру дисциплинарной ответственности адвоката как альтернативную прекращению статуса адвоката: «запрет на осуществление адвокатской деятельности в определенном виде судопроизводства либо запрет на участие в уголовном судопроизводстве по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда на определенный срок»;

– четко обозначить в положениях КПЭА деяния, при которых к адвокату может быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Призываем в ближайшее время организовать широкое обсуждение соответствующих предложений в адвокатском сообществе.

А.И. ИВАНОВ,
член Адвокатской палаты Краснодарского края

Этика, которую мы заслужили

Пожалуй, в адвокатской среде сложно представить вещи важнее, чем защита прав доверителей и способствование осуществлению справедливого правосудия, основанного на соблюдении правил адвокатской профессии. Эти правила существовали и существуют в каждой цивилизованной стране, где присутствуют право, правосудие и адвокаты как профессиональное сословие, вовлеченное в орбиту осуществления правосудия.

Значимость нравственных ориентиров для адвокатского корпуса невозможно переоценить – общечеловеческие гуманистические идеалы составляют фундамент нашей профессиональной этики. Эти сферы насколько

чувствительны, настолько и важны для адвокатов – пожалуй, ни в одних других руках искаженные моральные принципы не способны причинить столько зла, сколько в

руках адвоката. И только следование профессиональным стандартам позволяет принять верное решение в интересах доверителя.

Правила адвокатской профессии существовали в России на протяжении всей истории отечественной адвокатуры, а в настоящее время они отражены в Кодексе профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), являющемся, пожалуй, основным нравственным и профессиональным ориентиром для каждого адвоката.

Не берусь утверждать, что КПЭА, принятый 31 января 2003 г., является идеальным документом, но сложно отрицать очевидное – некоторые его положения вызывали и продолжают вызывать справедливые нарекания. А любые изменения КПЭА находятся в зоне самого пристального внимания профессионального сообщества, поскольку касаются развития адвокатуры и затрагивают сферу интересов каждого адвоката.

Перед Новым годом на сайте ФПА РФ был размещен проект, предлагающий к обсуждению ряд поправок в Кодекс, заслуживающих пристального внимания.

Часть поправок носят косметический или уточняющий характер, например, замена звания адвоката на статус адвоката (ст. 5), часть направлена на усиление роли и расширение полномочий ФПА, Комиссии по этике и стандартам и советов адвокатских палат субъектов РФ.

Некоторые предложения носят спорный характер. Например, расширение полномочий вице-президента адвокатской палаты субъекта РФ и вице-президента ФПА о направлении адвокату предостережения о недопустимости нарушения требований законодательства и КПЭА (п. 6 ст. 9). Предостережение является мерой профилактики правонарушений, свойственной органам государственной власти. Применение надзорных функций государства в работе органов адвокатского самоуправления вызывает обоснованное недоумение. Более того, возникают вопросы о соответствии таких полномочий закону об адвокатуре и в целом о юридической силе документа.

Поправка о запрете адвокату вмешиваться в какой бы то ни было форме во внутренние дела адвокатской палаты или адвокатского образования, членом которых он не является (подп. 4 п. 2 ст. 15), также носит дискуссионный характер. Непонятно, о каких внутренних делах идет речь и чем обусловлен запрет? Означает ли это, например, запрет адвокату одного субъекта на обращение в Совет адвокатской палаты другого субъекта о разъяснении принятого Советом решения?

Вызывает настороженность и попытка увеличения срока привлечения к дисциплинарной ответственности путем возможности его приостановления органами адвокатского самоуправления и его восстановления при рассмотрении дисциплинарного дела в ФПА (п. 5 ст. 18).

Полагаю, здесь может быть заложена мина замедленного действия для дисциплинарного преследования адвокатов.

Предложение о праве лица, возбудившего дисциплинарное производство, принимать участие в работе квалификационной комиссии (п. 1.1. ст. 23) сомнительно, поскольку явственно свидетельствует о конфликте интересов. Лицу, возбудившему дисциплинарное производство, обладающему определенными полномочиями и авторитетом, распространяемым в том числе на членов квалификационной комиссии, для сохранения беспристрастности и устранения конфликтов интересов вряд ли стоит участвовать в процедуре.

Тревожное ощущение от предложения об увеличении срока к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката в случае повторного прекращения статуса до 5 лет. Столь суровая мера ответственности напоминает не самоочищение, а скорее покушение на право на профессию.

Большинство же поправок заслуживают поддержки.

Например, установление запрета оказывать юридическую помощь по назначению в нарушение порядка ее оказания, установленного решениями совета ФПА и советов адвокатских палат субъектов РФ (подп. 9 п. 1 ст. 9). Проблема «двойной защиты» давно является ахиллесовой пятой отечественной адвокатуры. Сложилась удивительная ситуация всеобщего понимания этой проблемы, но невозможности ее кардинального разрешения. Это действительно наносило непоправимый урон защищаемым гражданам, качеству юридической помощи и неизбежно отражалось на авторитете адвокатуры.

С принятием этой поправки можно рассчитывать на радикальное изменение ситуации, поскольку установление императивного запрета распространяется на всех адвокатов, а несоблюдение КПЭА должно стать поводом для дисциплинарного производства. А в дальнейшем, надеюсь, и надежным аргументом для признания действий, совершенных адвокатом-дублером, незаконными и недопустимыми доказательствами.

Предлагается исключить обязанность адвоката по соглашению, принявшего поручение на защиту в стадии предварительного следствия, от участия в защите в суде первой инстанции (п. 2 ст. 13). И это справедливо, ведь основой участия в качестве защитника на конкретной стадии выступает соглашение. Если отсутствует соглашение на защиту в суде первой инстанции и стороны не желали его заключить, как можно обязать адвоката осуществлять защиту вопреки воле доверителя? Такой нонсенс должен быть устранен.

Предлагается также установить запрет на публичные комментарии обстоятельств уголовных дел, в которых адвокат не участвует, и правовых позиций адвокатов, уча-

ствующих в этих делах, а также публичного порицания подозреваемых и обвиняемых лиц (подп. 2.1., 2.2. п. 2 ст. 15).

Адвокат – профессия творческая, но не стоит путать творчество со вседозволенностью. Адвокатская деятельность – это не фрик-интервью, не участие в сомнительных ток-шоу, не эпатаж, а борьба за право, труд в интересах своего доверителя, награда которой – прекращенные уголовные дела, оправдательные приговоры. Очевидна неэтичность оценки чужих дел, а тем более граждан, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. К сожалению, эти, казалось бы, прописные адвокатские истины не всегда соблюдаются. В условиях глобальной доступности информации подобные нарушения можно легко увидеть в СМИ и публичных пространствах. Полагаю очевидным, что подобные действия не только обнажают непрофессионализм конкретных членов адвокатского сообщества, но и наносят ущерб ему в целом. Подобное не должно допускаться и, надеюсь, дополнения в КПЭА этому поспособствуют.

Заслуживает поддержки и предложение об обязательном уведомлении Совета региональной адвокатской палаты о намерении самостоятельно обратиться в суд, правоохранительные или иные органы государственной власти в отношении другого адвоката (п. 4 ст. 15). На мой взгляд, в этом предложении ключевыми выступают два обстоятельства: первое – адвокатам в принципе несвойственна функция обвинения, но в некоторых исключительных случаях невозможно обойтись без обращения в государственные органы (например, по поручению доверителя или защищая свои права), в том числе и в отношении своего коллеги. И второе – уведомление органа адвокатского самоуправления в этом случае есть не что иное, как проявление уважения к себе, к коллеге и адвокатскому сообществу.

Попытку мягкого вмешательства Совета ФПА в отношения, связанные с гонораром успеха (п. 3 ст. 16), связываю с их деликатностью и чрезмерным вниманием правоохранительных органов к адвокатским гонорарам, нередко заканчивающимся, к сожалению, уголовным преследованием. Искусственная криминализация адвокатских гонораров – это новый вызов для адвокатского сообщества, с которым необходимо считаться. Для минимизации уголовно-правовых рисков и иных негативных последствий вполне очевидна разработка неких универсальных правил, безболезненно применяемых адвокатским сообществом.

Согласен с предложением о введении в КПЭА проступка, совершенного в состоянии крайней необходимости, являющегося основанием для неприменения мер дисциплинарной ответственности (п. 2 ст. 18).

Позиция о рассмотрении заявления о прекращении или

приостановлении статуса либо изменении им членства в адвокатской палате только по окончании дисциплинарного производства (п. 2 ст. 19) логична и последовательна, поскольку направлена на предотвращение уклонения от проведения дисциплинарного производства и необоснованного уклонения от дисциплинарной ответственности. О важности соблюдения дисциплинарной процедуры и реализации предусмотренных законодательством прав говорится в международных кодексах, а попытки уклонения от нее и «искусственного» затягивания не должны использоваться в качестве основания для освобождения от дисциплинарной ответственности, т.к. свидетельствуют о злоупотреблении правами.

Заслуживает поддержки также предложение о передаче дисциплинарного дела, возбужденного в отношении адвоката, занимающего выборную должность в органах адвокатской палаты субъекта РФ, на рассмотрение комиссии по этике и стандартам и Совета ФПА в качестве квалификационной комиссии и Совета (п. 1.1. ст. 21), т.к. оно направлено на устранение конфликта интересов в дисциплинарной процедуре.

Поправки о получении по просьбе заявителя заверенной копии распоряжения об отказе в возбуждении дисциплинарного производства (п. 4 ст. 21) и участие в разбирательстве с использованием систем видео-конференц-связи (п. 1 ст. 23, п. 5 ст. 24) направлены на устранение чрезмерной закрытости дисциплинарной процедуры и расширение реализации прав всех заинтересованных лиц в современных условиях и с учетом пандемии.

Своевременным и актуальным является предложение о праве Совета выйти за пределы доводов заявления о несогласии с заключением квалификационной комиссии в целях защиты авторитета адвокатуры и принять новое решение, если для этого не требуется исследования новых доказательств (п. 4 ст. 24). Полагаю, что это свидетельствует о проявлении демократических начал в адвокатуре. Любой из нас может допустить ошибку. Но сила проявляется не в стремлении к непогрешимости, а в умении признавать и исправлять погрешности. Например, Совет Адвокатской палаты г. Москвы на протяжении многих лет демонстрирует такую практику и, оценивая заключения квалификационной комиссии, проявляет обоснованное несогласие – особенно в наиболее острых вопросах, касающихся сохранения или лишения статуса адвоката. Вот почему данное предложение заслуживает поддержки.

Позиция, устранившая реализацию права на судебное обжалование решения Совета адвокатской палаты о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности только в связи с нарушением процедуры его принятия (п. 2 ст. 25), является пусть и запоздалой, но совершенно справедливой. Дело в том, что попытки запрета обжалова-

ния решений в суд только по процедурным нарушениям давно вызывали здоровые нарекания, поскольку противоречили законодательству. Кроме того, суд не воспринимал всерьез этот запрет и рассматривал обращения по существу. Поэтому полностью поддерживаю устранение этого нонсенса и возможность реализации права на доступ к правосудию.

В заключение подчеркну, что в своей деятельности адвокаты ежедневно сталкиваются со сложностями и противоречиями, и следование правилам адвокатской профессии позволяет найти правильный выход из непростой

этической ситуации. Поэтому нахожу важным не только разбираться в этических правилах, но и в умении их применять на практике.

Правила адвокатской профессии не являются застывшей конструкцией, они неоднократно подвергались изменениям исходя из условий и современных запросов. Большинство вновь вынесенных на обсуждение поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката направлены на здоровое проявление демократизма в адвокатском сообществе, сохранение принципа независимости и потому заслуживают поддержки.

А.В. ГОРОДИЛОВ,
член Адвокатской палаты Пермского края

Отказаться не вправе

Действующий Кодекс профессиональной этики адвоката (далее — Кодекс) устанавливает нормы поведения адвоката при осуществлении им своей профессиональной деятельности, регулирует взаимоотношения адвоката с доверителями, коллегами, следователями и судом. Кодекс определяет ту «тонкую грань», которую адвокат не вправе переступить, а также регулирует поведение адвоката в спорных ситуациях, когда у адвоката могут возникнуть сомнения в правильности его действий. Кодекс сохраняет баланс между природным, естественным желанием адвоката в получении прибыли (гонорара), с одной стороны, честностью и порядочностью, с другой. Кодекс делает адвокатуру некоммерческим сообществом, корпорацией правозащитников, именно правозащитников, а не предпринимателей. Кодекс сохраняет авторитет адвокатуры в обществе.

Однако есть нормы как в Кодексе, так и Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре), с которыми я не могу согласиться и которые, на мой взгляд, существенно ущемляют права адвокатов. В Кодексе и Законе об адвокатуре есть ограничения, которые, возможно, являются излишними.

Согласно статье 37 Конституции Российской Федерации принудительный труд запрещен, каждый имеет право на вознаграждение за труд, без какой бы то ни было дискриминации. Данные положения также находят свое отражение в статье 4 Трудового кодекса РФ и являются одними из основных принципов трудового законодательства Российской Федерации.

Адвокатская деятельность в Российской Федерации, в широком ее понимании, также является трудом, несмотря на то, что адвокаты не наемные работники и по сути своей — свободные специалисты. Согласно ст. 1 Закона об адвокатуре, адвокатская деятельность — это квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее — доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

Вместе с тем, в противоречие со ст. 37 Конституции РФ и ст. 4 Трудового кодекса РФ положение ст. 6 Закона об адвокатуре определяет, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

В развитие нормы Закона об адвокатуре часть 2 ст. 13 Кодекса определяет, что адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен

выполнять обязанности защитника, включая при необходимости подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда. Адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции.

То есть, исходя из положений вышеназванных статей Закона об адвокатуре и Кодекса, адвокат, принявший поручение на осуществление защиты гражданина, например, недобросовестно относящегося к оплате юридической помощи по соглашению, становится в каком-то смысле зависим от своего доверителя и не имеет права отказаться от дальнейшей работы под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности.

Считаю, что данное нарушение прав адвокатов возможно было бы устранить, если бы порядок оказания правовой помощи по уголовным делам определялся, например, в рамках свободного соглашения с адвокатом, а не императивными нормами Закона об адвокатуре и Кодекса, при этом был бы прописан четкий алгоритм действий адвоката (уведомление доверителю о нарушении условий по оплате, повторное уведомление доверителю о намерениях расторгнуть соглашение в связи с отказом оплачивать услуги адвокату и т.д.), в случае невнесения оплаты по соглашению.

Соглашение с адвокатом по своей правовой природе является договором, и стороны должны свободно определять его условия – принцип свободы договора, декларируемый Гражданским кодексом РФ. В случае несвоевременной оплаты за услуги по соглашению адвокат должен иметь право отказаться от защиты как на предварительном следствии, так и в суде на любом этапе разбирательства.

Адвокат, кроме того, что он профессиональный субъект, также является и гражданином, следовательно, на него распространяются нормы основного закона нашей страны – Конституции РФ. В том числе норма о недопустимости принудительного труда, а также обязанности оплаты труда.

Безусловно, указанные нормы Закона об адвокатуре и Кодекса направлены на поддержание стабильности работы системы правоохранительных органов и судов, также на защиту граждан (доверителей) в случае утраты ими финансовой возможности оплачивать услуги адвоката (защита человека по уголовному делу не может быть поставлена в зависимость от наличия средств для оплаты услуг). Если органы предварительного следствия и дознания в большинстве случаев относятся к выходу адвоката из дела по причине неоплаты услуг полностью или частично спокойно, то суды зачастую крайне негативно реагируют на подобные ситуации, считают отказ адво-

ката от защиты недопустимым, принуждают адвокатов к дальнейшему участию в деле под страхом дисциплинарного наказания. Хотя для суда не составляет проблемы в случае отсутствия возможности у подсудимого оплатить услуги адвоката, назначить адвоката из числа коллег, работающих по назначению.

Особенно остро эта проблема стоит, когда услуги адвоката по оказанию правовой помощи в качестве защитника оплачиваются не единовременно стопроцентным авансом, а ежемесячно или с рассрочкой. На практике это встречается часто, поскольку доверители не имеют полной суммы для оплаты услуг, просят приступить к работе, так как следственные действия или судебные заседания уже назначены и не могут быть отложены.

Кроме того, ст. 17 Кодекса регулируется допустимая информация об адвокате и адвокатском образовании, что ставит адвокатов в неконкурентное положение по гражданским делам относительно других частнопрактикующих юристов, которые не имеют статус адвоката и могут свободно рекламироваться, без каких-либо ограничений и последствий.

На протяжении многих лет идет дискуссия, касающаяся возможной адвокатской монополии на юридические услуги, следовательно, ограничения, накладываемые на адвокатов в рамках вышеуказанной статьи, ущемляют их конкурентоспособность на рынке юридических услуг по отношению к другим частнопрактикующим юристам и юридическим фирмам.

Безусловно, ст. 17 Кодекса важна и необходима для сохранения доверия граждан к адвокатуре и ее польза велика, но до введения адвокатской монополии на оказание юридических услуг либо лицензирования юридических услуг с введением ограничений, как для адвокатов, возможно, следует ввести некий «мораторий» на применение указанной статьи как основания для привлечения к дисциплинарной ответственности. При этом адвокаты должны будут добровольно соблюдать указанную норму Кодекса, без дисциплинарного принуждения, основываясь на своей порядочности и самоконтроле.

Аналогичные запреты, ограничивающие возможности рекламы, имеют нотариусы, но при этом за ними сохраняется монополия на нотариальные услуги, а также за нотариусами закрепляются определенные территории – нотариальные округа, что дает им возможность не конкурировать даже между собой.

В целом же Кодекс профессиональной этики адвоката является хорошо выверенным, сбалансированным документом, отражает современную действительность, гармонично регулирует адвокатскую деятельность, так как составлен и принят самим профессиональным сообществом, адвокатской корпорацией, а не навязан извне.

И.С. ЯРТЫХ,
член Адвокатской палаты Московской области

КПЭА – предмет интереса всего сообщества

12 декабря 2020 года по инициативе Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» состоялась онлайн-конференция, в ходе которой, как следовало из анонса, предполагалось обсудить новые нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, разработанные ФПА РФ. Тема сама по себе важная, так как затрагивает интересы каждого адвоката без исключения. Я принял участие в этой конференции не только из праздного любопытства, но и в силу профессионального интереса, так как основными докладчиками были заявлены: Талантов Дмитрий Николаевич – президент палаты адвокатов Удмуртии, опытный практик, широко известный среди адвокатской общественности, человек, безусловно, имеющий право на свое мнение; Рагулин Андрей Викторович – адвокат, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук и Мельниченко Роман Григорьевич – доцент Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ранее занимавшийся адвокатской практикой, много и активно пишущий на темы адвокатской деятельности и адвокатуры.

Сразу хочу оговориться, я был и остаюсь сторонником самой широкой дискуссии по вопросам самоорганизации и самоуправления адвокатуры. Самоуправление, один из фундаментальных принципов современной отечественной адвокатуры, предполагает самое активное участие адвокатов в выработке норм и правил внутреннего устройства и порядка. Организаторами такого рода мероприятий должны выступать как официальные адвокатские объединения, коими являются палаты адвокатов, так и разного рода общественные объединения адвокатов. К сожалению, в связи с пандемией в этом году не была проведена ежегодная научно-практическая конференция «Адвокатура, общество, государство», которую организывает и проводит ФПА РФ, поэтому любой обмен мнениями на различных площадках представляется чрезвычайно интересным мероприятием.

Уже за одно это организаторов данной конференции следует поблагодарить за инициативу и, собственно, за само мероприятие.

Однако сама конференция у меня вызвала больше вопросов и негативных впечатлений, чем я мог предполагать. Как выше было сказано, заявленные докладчики вызывали определенный интерес, на что я и польстился. Что же получилось в реальности? Ни один из докладчиков так и не сформулировал предмет дискуссии, мы не услышали, о каких поправках идет речь. Талантов Д.Н. в своем выступлении, рассуждая о возможности лишения статуса адвоката за «какие-то проступки», назвал это «профессиональным расстрелом». Рагулин А.В. говорил о том, что, «вероятно», новые изменения, которые готовит ФПА РФ в Кодекс адвокатской этики, будут направлены на ограничение прав адвокатов на критику органов адвокатского самоуправления, что само по себе является нарушением гражданских прав адвокатов. Мельниченко Р.Г. высказал мнение, что Кодекс адвокатской этики является «экспериментом современной адвокатуры» и направлен исключительно на сохранение «status quo» сформировавшейся адвокатской бюрократии. Также предложил создание института этических судов в адвокатуре, обосновывая это отсутствием со стороны адвокатов доверия к органам самоуправления нынешних палат.

Предметом анонсированной конференции, как можно предположить, должны были стать «Предложения по обсуждению поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката», разработанные созданной в ФПА РФ рабочей группой по подготовке изменений в Кодекс

профессиональной этики адвоката, которые предстоит принять на Всероссийском съезде адвокатов в апреле 2021 года. Проект, как следует из сообщения, размещенного на сайте ФПА РФ, является результатом годичной работы рабочей группы – она с января 2020 г. обсуждала выработанные поправки, а также поступавшие от адвокатских палат предложения. Обращает на себя внимание, что проект поправок был размещен после проведенной конференции и никак не мог быть предметом обсуждения в ее формате. Далее в сообщении ФПА сказано: «В целях обеспечения системного подхода в выработке корпоративной позиции адвокатуры России рабочая группа предполагает рассматривать мнения и предложения в отношении представленных поправок, а также дополнительные предложения, поступающие только из адвокатских палат субъектов РФ в качестве консолидированной позиции регионального сообщества адвокатов».

Таким образом, предполагаемая дискуссия не могла быть предметной, поскольку официальный документ, который подлежал обсуждению, попросту отсутствовал. С учетом такого положения дел выступающие говорили о наболевшем, но редко кто касался заявленной темы. Говорили о плачевном финансовом состоянии адвокатуры в связи с неправильным управлением финансами и сложными отношениями адвокатуры с государством, об отсутствии этики как таковой и профессиональной, в частности, об отсутствии необходимости в Кодексе и потребности перехода к Правилам профессии.

Единственным участником, по моему мнению, высказавшем профессиональный, научно обоснованный, практически реалистичный взгляд на заявленную тему, был профессор Деханов С.В. Он обратил внимание на то, что дискуссия должна вестись предметно и на научном фундаменте, а не на частных мнениях отдельных участников, не подкрепленных фактическими данными и статистикой. Убедительно показал, что игнорирование основных правовых принципов, оформленных в действующем законодательстве в предлагаемых участниками конференции проектах организации адвокатуры, ведет к полной деградации адвокатского сообщества и, возможно, к его трансформации в иные публичные формы и структуры. Профессор Деханов заявил, что Кодекс не является чем-то особенным, а всего лишь эволюционным шагом в организации самоуправления корпорации, начало которому было положено еще французской адвокатурой в правилах адвокатской профессии.

В выступлениях мне не понравилась попытка аргументации принципиальных вещей переходом на критику личностей, стоящих за ними, в частности президента

ФПА Пилипенко Ю.С. Безусловно, Пилипенко является источником многих инициатив ФПА РФ, но он точно не «диктатор». Любая инициатива – плод коллективного творчества, особенно в таких структурах, как самоуправляемые организации. Следовательно, за этими инициативами стоит круг лиц единомышленников, прямо заинтересованных в их реализации. Поскольку многие инициативы вызывают непонимание у широкой адвокатской и научной общественности, а иногда находят прямое отторжение сообществом, с ними необходимо бороться принципиально иными методами. Примером тому может служить активная позиция широкой юридической общественности по программе «Юстиция». Как не стремилась ФПА реализовать идею «адвокатской монополии», так и не смогла этого сделать. Организованные с этой целью широкая «разъяснительная кампания» среди адвокатов и дискуссия с привлечением самых активных сторонников и лobbyистов не привели к желаемому результату. Проект долго дебатировался и по последним данным окончательно будет свернут в ближайшее время.

Я был вынужден резко выступить в защиту Пилипенко Ю.С. и демократических принципов устройства адвокатской корпорации. Следует добавить, что лично знаю Пилипенко Ю.С. достаточно давно. У нас с ним существуют принципиальные научные разногласия по некоторым вопросам организации современной российской адвокатуры и ее будущего, но в чем его ни в коем случае нельзя обвинить, так это в наличии корыстной заинтересованности, а тем более в злоупотреблении властью.

Справедливости ради необходимо отметить, что в конференции приняло активное участие более 70 человек, просмотрело ее на видеохостинге YouTube более 300 человек.

Подытожим.

1. Адвокатское сообщество активно интересуется происходящим в корпорации и желает в этом участвовать.

2. Адвокатская этика – это краеугольный камень устройства современной российской адвокатуры. Проблемы адвокатской этики, как принципиальные, так и формальные, это не проблемы бюрократического усмотрения, пусть даже и благонамеренного, это предмет жизненно важного интереса всего адвокатского сообщества. И как следствие такие вопросы не должны решаться келейно, а только в широкой публичной дискуссии.

3. Современное устройство адвокатской корпорации не отвечает вызовам времени, чаяниям широкой адвокатской общественности и нуждается как минимум в принципиальной модернизации, как максимум в новом фундаментальном правовом реконструировании.

П.Ю. СИЛКОВ,
член Адвокатской палаты города Москвы

Кодекс бесчестия: антигосударство в государстве

У нас любят различать мораль, этику и нравственность — это дает широкий простор для индивидуальной фантазии и для все новых безумных попыток стать вторым Гегелем. Каждый вкладывает в эти различия свой смысл, и это только еще больше запутывает дело. В данном тексте мы будем использовать мораль и нравственность как синонимы, а этику понимать как рефлексию морали. В этом смысле моральные, нравственные и этические нормы — одно и то же.

Чем они отличаются от правовых? Явно не содержанием. И мораль, и право запрещают, например, убийство или другие злодеяния. Разница — в подкреплении этих норм. В праве за убийство полагается наказание со стороны земных властей. Власти организуют выявление и поимку убийцы, а потом, например, лишают его свободы, имущества или самой жизни (если в государстве предусмотрена смертная казнь). А что же мораль? Моральная норма подкреплена совестью самого человека. Если человек убил вопреки разделяемой им самим морали, которая запрещает убийство, он будет испытывать муки совести. Мораль (нравственность, этика), таким образом, не нуждается в кодификации — она действует через совесть каждого отдельного человека. Из-за этого моральные нормы, с одной стороны, более строги, а с другой — менее формализованы, чем правовые. Чтобы возникли угрызения совести, нет необходимости собственно совершить убийство и потом самому себе доказывать, что ты это сделал. Для них достаточно одного лишь возникновения в глубинах сердца какого-то смутного желания навредить ближнему. Если у тебя есть совесть, ты уже будешь мучиться сознанием своего морального убожества.

Зачем же в таком случае адвокатам нужен этический (моральный, нравственный) кодекс? Неужели у них нет совести? Неужели они сами не знают, что хорошо и что дурно в их профессии, и сами не будут страдать в случае совершения или одного только умысла дурных поступков? Неужели для пробуждения нравственного чувства у них перед глазами должен быть кодекс, иначе они не будут мучиться и угрызаться, но, напротив, будут довольны собой, какое бы ужасное злодеяние они бы ни совершили? Едва ли есть смысл сейчас развернуто отвечать на эти вопросы. Те адвокаты, у которых есть совесть, сами все прекрасно знают. А те, у кого нет, ни за что не признают своей бессовестности, но будут только яростнее требовать, чтобы моральный кодекс приняли, чтобы его постоянно расширяли и уточняли, чтобы его непрерывно исправляли и переписывали.

Разумеется, энергия обмана собственной совести не пропадает зря. Ее используют все те же или какие-то другие бессовестные люди — еще и для удовлетворения своих неправомерных и безмерных appetitov. Возня вокруг морально-нравственно-этических кодексов уже давно стала средством всевозможных манипуляций, призванных укрепить власть одних групп, отстранить от власти другие группы и так далее. Чем больше шума и шевеления вокруг этих кодексов, тем очевиднее нравственная деградация адвокатуры как таковой. Со стороны это выглядит совершенно отвратительно. Реализуется самый карикатурный образ адвоката, для которого нет никакой морали, пока она не записана в «официальных документах», да еще так, чтобы выдержать самые хитростные и злокозненные толкования (а это, пожалуй, в принципе невозможно). Что делать с такими адвокатами?

Простолюдин, по всей видимости, ничего с такими адвокатами и такой адвокатурой поделаться не может. Других адвокатов у него нет. Более того, он и сам растерян, морально дезориентирован и скорее будет смотреть на ловкого адвоката, виртуозно ускользающего даже от собственной совести, как на пример предпринимательского успеха. Адвокат ведь нынче учит его, простолюдина, жить, уходить от наказаний, обманывать своих ближних и госу-

дарство, добиваться таким образом «благоденствия». Да, народ презирует такого адвоката, но в то же время боится его и завидует ему, хочет быть на него похожим. Вот до чего мы дошли.

А что же государство? Будут ли государевы люди терпеть подобное? Быть может, они все-таки защитят себя и простых граждан от таких защитников? Вот тут уже все не так радужно для адвокатов, потому что ведь у государевых людей есть средства поставить их на место. Да, адвокаты вроде бы государству нужны, они выполняют некую важную роль в системе юстиции. Но если у адвокатов нет совести, а только какие-то кодексы в бесконечных заплатках, то они вообще непредсказуемы. Нет никаких гарантий, что подобный адвокат будет как положено «ответственным работником правосудия».

Есть теория, согласно которой государство только временно делегировало адвокатуре юридическую опеку над людьми. В принципе государство в лице своих служащих должно само оказывать правовую помощь гражданам, но в силу каких-то чрезвычайных причин на это государственное служение было уполномочено негосударственное образование под названием «адвокатура». Теперь же, когда эта самая адвокатура сама стала чрезвычайным обстоятельством, которое доставляет только беспокойства и с которым приходится непрерывно бороться, все можно вернуть на свои места. Юридическая помощь населению — это общественная задача, связанная со всеобщим, публичным интересом. Частные лица, как оказалось, не могут с ней справиться, особенно если их совесть настолько потускнела, что приходится составлять вместо нее кодексы. Частная адвокатура превратилась в своего рода пародию на государственное учреждение, даже на некое антигосударство в государстве.

Поэтому государство просто вынуждено будет создать корпус публичной адвокатуры при Министерстве юстиции. Этот корпус будет состоять из государственных чиновников, которые будут именоваться публичными поверенными и выполнять то предназначение, которое было случайно передано частным лицам. Будут помогать людям и правосудию.

Нет, нынешних адвокатов не ликвидируют «как класс». Им оставят то, что они сами называют «юридическими услугами», то есть бизнес, обслуживание финансово состоятельных лиц, которые готовы платить частным поверенным, или стряпчим. Но все дела, которые так или иначе связаны с государством и государственными интересами, будут отданы публичным поверенным.

Речь идет прежде всего об уголовных делах, где осуществляется защита в порядке так называемого поручения по назначению — когда у обвиняемого по той или иной причине (чаще всего из-за нехватки средств) нет ад-

воката по соглашению. Речь также идет обо всех спорах, где одной из сторон является государство или корпорации с известной долей государственного участия. Таким образом, помощь бедным и защита всеобщего интереса будут осуществляться самим государством. А все остальное будет оставлено «на откуп» юридическим (адвокатским) фирмам, которые будут выступать наравне с прочими коммерческими организациями, — регистрироваться, нанимать юристов в качестве своих сотрудников, получать «гонорары успеха», отвечать за качество оказанных услуг, платить налоги, штрафы, неустойки и тому подобное. Недостаток совести будет у них компенсироваться «невидимой рукой рынка», а морально-правовенно-этические кодексы будут выступать как форма менеджмента и маркетинга.

Публичные поверенные в уголовном судебном процессе будут выступать на стороне обвиняемого, будут действительно на равных противостоять обвинению, содействовать справедливому отправлению правосудия. Министерство юстиции приобретет реальную публичную значимость в отправлении правосудия наравне с генеральной прокуратурой, непосредственно отстаивая права и охраняемые законом интересы обвиняемых (подсудимых) и потерпевших от преступных деяний. Судьи и прокуроры перестанут смотреть на защитника как на личность, «мешающую ведению процесса». Публичный поверенный и прокурор на деле станут равноправными участниками процесса, установятся реальная состязательность и даже профессиональная близость. В среде публичных поверенных исчезнут скабрёзности, громогласная брань, угрозы физически проучить обидчика, а также демонстрация своего материального достатка. Будет устранено предвзятое, подозрительное отношение к адвокатам. У публичных поверенных исчезнут препятствия при посещении следственных изоляторов и колоний. Публичных поверенных по тем же причинам, что и прокуроров, не будут отстранять от защиты, допрашивать, преследовать за профессиональную деятельность, удалять из зала судебного заседания, разглядывать содержимое их карманов и портфелей при прохождении в здание суда и так далее. Из публичных поверенных будут набирать судей. Публичные поверенные будут подчиняться государственной и профессиональной дисциплине, правилам и традициям адвокатской профессии, выработанным за прошедшие века.

В общем будет две адвокатуры, две породы адвокатов. Одни — служители всеобщего интереса. Другие — частные предприниматели. Все устои современного суда будут соблюдены. Но действительно значимыми делами будут заниматься серьезные люди, а не любители обменивать свою совесть на кодексы по гибкому курсу.

В.А. ШАВИН,
член Адвокатской палаты Нижегородской области

Пристрастный суд

*Водворить в России суд скорый, правый,
милостивый и равный для всех
подданных наших...*

*Указ Александра II
Правительствующему Сенату
от 20 ноября 1864 года*

Рассматривая судебную реформу 1864 года, Г.М. Резник обратил внимание на третье из указанных четырех неперенных условий должного суда, на его «милостивость».

В данной же статье речь пойдет о самом очевидном качестве суда – его «правости».

Но сначала ответу на вопрос: какая связь между судом, судебной реформой и поправками в Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА), которые рассматриваются в этом номере журнала.

Дело в том, что к 2021 году в России полностью сформировался и документально оформился адвокатский суд. У нас есть материальное право в виде Закона об адвокатуре и раздела 1 КПЭА; есть растущий пласт подзаконных актов, состоящий из разъяснений КЭС ФПА, решений Совета ФПА; есть региональное законодательство, состоящее из решений конференций (собраний) и советов адвокатских палат. Имеется свой процессуальный кодекс – это раздел 2 КПЭА. Уже создан массив «судебной практики» из решений советов палат и решений Совета ФПА по дисциплинарным делам, началась работа по его систематизации. На подходе «постановления Пленума», к которым будут относиться обобщения дисциплинарной практики в рамках полномочий ФПА (подп. 9 п. 3 ст. 37 Закона об адвокатуре).

Нельзя не сказать и о серьезных санкциях, которые вправе применять к «осужденным» адвокатам Совет палаты. Лишение статуса адвоката с правом сдачи экзамена через 1-5 лет равнозначно уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 1 года до 5 лет (ст. 47 УК РФ). Причем с 1.03.2021 значимость наказания усилится многократно, поскольку с этой даты вступит в силу запрет для «лишенцев» быть профессиональным представителем в суде (подп. «б» п. 4 ст. 1 ФЗ от 02.12.2019 № 400-ФЗ).

Прямо сейчас продолжается активное строительство юридического «здания» адвокатского суда, на повестке дня корректировки КПЭА. Как видно из предложенного ФПА пакета поправок, речь идет не только о приведении КПЭА в соответствие с ФЗ от 02.12.2019 № 400-ФЗ, но и о дальнейшей настройке адвокатского судопроизводства.

По какой-то причине адвокатские законодатели решили не использовать целиком накопленный поколениями опыт создания суда скорого, правого, милостивого и равного для всех, а пойти по пути «Интернационала» и построить «наш, новый мир». Одной из ярких звезд на небосклоне нового мира является отсутствие возможности отвода «судьи» – члена/председателя Квалификационной комиссии, члена совета/президента палаты, рассматривающих дисциплинарное дело. По мнению некоторых региональных палат и КЭС ФПА, отвод «судье» нельзя заявить ни при каких обстоятельствах.

В Разъяснении КЭС ФПА по вопросу об отводе члена квалификационной комиссии указано, что Закон об адвокатуре и КПЭА не содержат норм об отводе члена (членов) квалификационной комиссии, в связи с чем возможность отвода члена (членов) квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ не предусмотрена.

Во-первых, это не так. Во-вторых, даже если бы это соответствовало действительности, то отсутствие в законе возможности отвода «судьи» не может помешать самому отводу/самоотводу при наличии для этого оснований.

Вообще, рассуждать в XXI веке о том, что пристраст-

ный суд – это плохо и недостойно, довольно странно. Однако поскольку коллеги, принимающие адвокатские законы, уверены в обратном, считаю необходимым привести доказательства этому утверждению.

Согласно п. 3 ст. 19 КПЭА, дисциплинарное производство должно обеспечить своевременное, объективное и справедливое рассмотрение жалоб, представлений, обращений в отношении адвоката, их разрешение в соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА. Данные принципы рассмотрения дисциплинарного производства соответствуют как европейской традиции (п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), так российским правилам о скором, правом и милостивом суде.

«Правый» суд немислим без существования ряда принципов формирования состава самого суда, который обеспечивал бы объективное и справедливое разбирательство дела. Одним из них является обеспечение беспристрастности суда. Данный вывод не требует, на мой взгляд, какого-либо дополнительного подкрепления, но и лишним оно не будет. Поэтому сделаю ссылку на правовую позицию Конституционного суда: право на полную, справедливую и эффективную судебную защиту на основе равенства всех перед законом и судом, включает в себя не только право на законный суд, но и гарантии объективности, независимости и беспристрастности судей, а обеспечение этих гарантий является важнейшей целью государства, реализуемой как при построении механизма судебной власти в целом (установление судебной системы, правового статуса судей, процедуры их отбора и назначения и др.), так и при определении надлежащего суда (состав суда, институты отводов, подсудность дел и т.д.) (Постановление КС РФ от 09.11.2018 № 39-П).

Беспристрастность означает отсутствие предвзятости или предубежденности (см., например, п. 32 постановления Европейского Суда (ЕС) от 24.07.2018 по делу «Филюткин (Filyutkin) против Российской Федерации», жалоба № 39234/08).

В соответствии с прецедентной практикой ЕС по правам человека, беспристрастность имеет две стороны: субъективную и объективную. При оценке субъективной части должны приниматься во внимание личные убеждения и поведение конкретного судьи, то есть имел ли судья личные предубеждения или предвзятость в конкретном деле. Объективная проверка предполагает уточнение того, представлял ли сам суд и, в частности, его состав достаточные гарантии, позволяющие исключить любое законное сомнение в отношении его беспристрастности (см., например, п. 93 постановления

Большой Палаты ЕС от 15.10.2009 по делу «Микаллеф (Micallef) против Мальты», жалоба № 17056/06).

Что касается субъективной проверки, в ЕС сложился принцип о том, что суд изначально предполагается свободным от личных предубеждений или пристрастного отношения. Личная беспристрастность судьи предполагается, пока не доказано обратное. Объективная проверка касается большей частью иерархических или иных связей между судьей и другими участниками процесса. Следовательно, в каждом индивидуальном случае необходимо решить, имеют ли рассматриваемые взаимоотношения такие характер и степень, которые указывают на недостаток беспристрастности со стороны суда. (См., например, п.п 74, 77 постановления Большой Палаты ЕС от 23.04.2015 по делу «Морис против Франции», жалоба № 29369/10.)

Объективную проверку на беспристрастность адвокатский суд, полагаю, выдерживает. Квалификационная комиссия формируется из адвокатов (7 членов) и представителей госорганов (6 членов). Ее председателем является адвокат. ФЗ от 02.12.2019 № 400-ФЗ беспристрастность квалификационных комиссий усилена, поскольку введен запрет совмещения должностей в этой комиссии и в совете адвокатской палаты (подп. «а» п. 12 ст. 1). Совет адвокатской палаты состоит из адвокатов, избираемых на общем собрании (конференции) адвокатов данной палаты. Возглавляет совет президент палаты, избираемый советом из своего состава на первые два срока или общим собранием (конференцией) адвокатов на последующие сроки. Численность совета не более 15 человек, минимальная численность не установлена, однако, поскольку совет – коллегияльный орган, то он не может состоять из одного человека.

Нельзя не отметить тот факт, что большинство состава квалификационной комиссии и ее председатель, все члены совета палаты составляют члены той же самой, адвокатской, корпорации, что и лицо, привлекаемое к ответственности. При этом совет палаты является ее органом управления, который принимает внутренние нормативные документы, обязательные для выполнения адвокатами палаты. Из чего следует, что между адвокатскими судьями и другими участниками процесса могут существовать иерархические или иные связи, которые могут дополнительно влиять на беспристрастность конкретных членов комиссии и совета. Такая дополнительная «нагрузка» на беспристрастность является «неизбежным, но необходимым злом», поскольку адвокатура нацелена на независимое от государства дисциплинарное производство. Однако в связи с этим усиливается значение субъективного компонента и субъективной проверки, т.е. оценки того, насколько конкретный «су-

дья» при рассмотрении конкретного дисциплинарного дела является беспристрастным. И в случае сомнений в беспристрастности – заявление ему отвода. Такой возможности действующее адвокатское законодательство не предоставляет, во всяком случае, в его легистском понимании.

Полагаю, что в КПЭА требуется закрепить возможности и основания для отвода членов квалификационной комиссии и совета палаты при рассмотрении дисциплинарного дела. Институты отводов достаточно разработаны в нашем процессуальном законодательстве, поэтому, используя по аналогии ст. 16 ГПК РФ, предлагаю дополнить КПЭА ст. 19.1 следующего содержания.

«Статья 19.1. Отводы

1. Член квалификационной комиссии и комиссии по этике и стандартам, член совета адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов не может рассматривать дисциплинарное дело и подлежит отводу, если:

1) он является родственником или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в дисциплинарном деле, либо их представителей;

2) он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дисциплинарного дела;

3) дисциплинарное дело возбуждено на основании его жалобы, обращения, заявления или рассматривается в отношении его самого;

4) имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнения в его объективности и беспристрастности.

2. В состав квалификационной комиссии, комиссии по этике и стандартам, совета адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов, рассматривающего дисциплинарное дело, не могут входить лица, состоящие в родстве или свойстве между собой.

3. При наличии оснований для отвода член квалификационной комиссии и комиссии по этике и стандартам, член совета адвокатской палаты и Федеральной палаты адвокатов обязаны заявить самоотвод.

Отвод может быть заявлен участниками дисциплинарного производства.

4. После заявления отвода заслушиваются мнения других участников дисциплинарного производства, а также лица, которому заявлен отвод.

5. Вопрос об отводе разрешается квалификационной комиссией, комиссией по этике и стандартам, советом адвокатской палаты, советом Федеральной палаты адвокатов в отсутствие отводимого лица. При равном количестве голосов, поданных за отвод и против отвода, лицо считается отведенным».

Полагаю, что закрепление возможности и оснований для отвода адвокатских судей обеспечит беспристрастность рассмотрения дисциплинарных дел и повысит доверие адвокатов к принимаемым решениям.

М.У. БЕКАРОВ,
член Адвокатской палаты
Архангельской области

«Красные флажки» для адвокатов

На данное время одним из основополагающих документов, регулирующих поведение адвоката, является Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА, Кодекс). За время после его принятия в 2003 году в Кодекс вносились различного рода изменения – некоторые полезные, некоторые спорные, поскольку входили в противоречие с нормами ФЗ РФ.

И вот в апреле 2021 года должен состояться X Всероссийский съезд адвокатов, на утверждение которого уже представлен очередной проект изменений в КПЭА.

По моему мнению, более или менее значимыми в проекте поправок являются всего несколько изменений, остальные стилистические и не имеют существенного значения.

Возьмем поправку в ст. 3, которая распространяет все возможные изменения на адвокатов, чей статус приостановлен. На мой взгляд, это незаконно, особенно в той части, где эти поправки ухудшают положение адвоката, чей статус временно приостановлен. Следовало бы сделать оговорку – если эти изменения не ухудшают положение этих адвокатов.

Или вот поправка в ст. 9:

Адвокат не вправе:

1. *«6. В целях предупреждения нанесения ущерба авторитету адвокатуры вице-президент адвокатской палаты субъекта РФ и в исключительных случаях вице-президент ФПА вправе направить адвокату предупреждение о недопустимости нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры и настоящего Кодекса».*

Все же эта норма не касается регулирования профессиональной этики адвоката. Здесь вопрос скорее о полномочиях президента и вице-президента адвокатской палаты, данное предложение не имеет отношения к понятию «этики». Похоже, кто-то решил придать указанным лицам дополнительные полномочия, чтобы можно было расправиться со «строптивым» адвокатом, используя для этого положения «этики».

Нельзя считать правильным и возможным внесение поправки в ст. 15:

2. *Адвокат не должен: «4) вмешиваться в какой бы то ни было форме во внутренние дела адвокатской палаты или адвокатского образования, членом которых он не является, за исключением участия в реализации полномочий ФПА, адвокатской палаты субъекта РФ и их органов, а также призывать к вмешательству в указанные дела органы государственной власти или органы местного самоуправления».*

Это, видимо, ответная реакция на известные обращения адвокатов, по мнению которых руководители некоторых адвокатских палат якобы были замечены в коррупции. Тогда многие адвокаты поддержали обращение, и по интернету пошла широкая волна критики, осуждения и поддержки адвокатов, поднявших эту тему.

Все же данная поправка относится к категории соблюдения прав и свобод гражданина РФ, а сообщить о выявленных фактах коррупции – это обязанность любого гражданина России. Не следует забывать, что адвокат – это прежде всего человек и гражданин своей страны, и

на него распространяются все российские законы. Не следует путать понятие «адвокатской тайны» в работе с доверителями со здоровой критикой снизу руководства адвокатских палат или отдельных руководителей, а также нетерпимостью к проявлению кумовства и коррупции с их стороны.

Поправка в статью 15:

«7. Адвокат обязан участвовать лично или материально в оказании юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда в порядке, определяемом решением совета ФПА и принимаемыми в соответствии с ним решениями советов адвокатских палат субъектов РФ».

Данная норма не имеет отношения к этике. Эта норма четко прописана в законах и не требует каких-либо дополнительных комментариев, включения в закон, регулирующих вопросы адвокатской этики.

Поправка к статье 18:

4. *Меры дисциплинарной ответственности применяются только в рамках дисциплинарного производства в соответствии с процедурами, предусмотренными Разделом 2 настоящего Кодекса. Применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, включая прекращение статуса адвоката, является предметом исключительной компетенции Совета, за исключением случаев, когда дисциплинарное дело рассматривается в ФПА.*

Вопрос о прекращении статуса адвоката может быть поставлен только в случае совершения адвокатом уголовного преступления. В этом случае суд должен принять в порядке, установленном в уголовном законодательстве, решение о временном запрете на адвокатскую деятельность по уголовным составам, в санкциях которых предусмотрены подобного рода дополнительные наказания. Поэтому сам вопрос возможности прекращения статуса адвоката должен быть исключен из КПЭА.

Вопрос компетенции адвоката и вопрос надлежащего оказания услуг определяет доверитель, которому оказана помощь, а не адвокатское сообщество. Если оказана ненадлежащая помощь по причине некомпетентности или безответственности адвоката, то у доверителя есть право обратиться в суд за восстановлением нарушенного права. Вот именно это обстоятельство является серьезным основанием для проведения проверки в отношении адвоката.

В случае ненадлежащего поведения адвоката, умаляющего честь, достоинство и репутацию высокого статуса адвоката, если это не связано с совершением уголовного преступления, то данное лицо может быть исключено из адвокатского образования, в котором оно зарегистрировано, но без прекращения статуса адвоката, о чем ин-

формируется общественность. После исключения из конкретного адвокатского образования такой адвокат обязан письменно уведомлять своих клиентов, которые обратились к нему за услугами по указанному обстоятельству, а далее клиент должен решать, нанимать ему такого адвоката или нет. Все иное - это нарушение отдельных норм Конституции РФ и вытекающих из нее федеральных законов, имеющих непосредственное отношение к вопросам соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Вообще изложенные в ст. 18 вопросы, регулирующие сроки давности и порядок применения дисциплинарной ответственности, никакого отношения к вопросу этики адвоката не имеют. Эти вопросы касаются дисциплинарного производства в отношении адвокатов, которые подзревают в совершении дисциплинарного проступка. В этом случае, по моему мнению, необходимо разработать «дисциплинарный устав для адвокатов», в котором детально должен быть расписан регламент применения дисциплинарного взыскания. Не пристало адвокатскому сообществу, основная деятельность которого заключается в защите от правового беспредела, беззакония, самим принимать акты, нарушающие или ограничивающие права и свободы адвокатов (человека).

В КПЭА большинство вопросов должно регулироваться федеральными законами, поскольку эти вопросы выходят за пределы этических норм, зачастую находятся в противоречии с действующим законодательством и ограничивают права и свободы граждан РФ на труд, свободу волеизъявления и т.д.

Так, например, лишение права заниматься адвокат-

ской деятельностью на год, а при повторном нарушении и на пять лет по решению адвокатских образований существенно нарушает право адвоката на труд. Если взять за основу аналогию административного или уголовного права, то мы увидим, что лишение прав на управление транспортными средствами разрешается в судебном порядке и только по решению суда.

Мне кажется, было бы разумным разработать Процессуальный кодекс адвоката, которым должен руководствоваться представитель адвокатской профессии в судопроизводстве и по остальным вопросам. Из-за отсутствия процессуального закона отсутствует фактическое равноправие адвоката с другой стороной в состязательном судебном процессе. Адвокат и его доводы часто игнорируются судом, ходатайства отвергаются в соответствии с мнением прокурора. Равноправие, продекларированное в Конституции РФ и в УПК РФ, так и осталось декларацией о намерениях.

КПЭА в том виде, в котором он сейчас существует, это скорее кнут, и он может быть использован в отношении адвоката как инструмент расправы или сведения счетов с неудобным. Лучше бы высший орган адвокатского сообщества занялся разрешением проблемы реализации состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве. Именно в этом секрет повышения авторитета адвоката в обществе, а вместе с тем и всего адвокатского сообщества в стране. Вот над чем следует работать съезду и совету адвокатов, а не над тем, как обставить адвоката «красными флажками», подвергая его права и свободы ограничению.

Ю.В. ГУСАКОВ,
член Адвокатской палаты города Москвы,
член МАРА

«По ком звонит колокол»

 Обсуждение поправок в Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА) в адвокатских палатах открыто не происходит – как и ранее, все келейно. Ожидается, что будут внесены изменения в КПЭА,

запрещающие адвокатам критиковать органы власти в адвокатуре. Некоторые руководители властных структур в адвокатском сообществе далеко и, видно, надолго отстранились от защитников, адвокатов.

В советское время на территории РСФСР действовал Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР», на основании которого были определены задачи адвокатуры, права и обязанности адвокатов, порядок приема и прекращение членства в коллегии и т.д. Каждый адвокат мог участвовать в выборе руководителя и сам мог быть избранным. В настоящее время все изменилось. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (Закон об адвокатуре) заменил ранее действовавшее Положение. К закону был принят Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА), в котором прописали этические нормы поведения адвоката в ходе своей профессиональной деятельности. Но через некоторое время и сам закон, и КПЭА видоизменились, в результате чего адвокаты были лишены права избирать и быть избранными в органы самоуправления адвокатского профессионального сообщества, произошел захват, узурпация власти в адвокатских палатах во всех регионах РФ. Более того, в КПЭА были внесены нормы, которые не просто не должны быть в нем, а именно: этическое поведение адвокатов вне исполнения своей профессиональной деятельности. За их нарушение адвокат теперь может быть лишен статуса, что противоречит здравому смыслу и закону. В результате КПЭА превратился в средство для борьбы с критикой в адрес процессуального противника и руководства адвокатских палат. Многих ярких, профессиональных адвокатов, настоящих защитников, изгоняют из адвокатского корпоративного сообщества, а требования к деятельности адвоката вне его профессиональной де-

ятельности еще больше ужесточают. Например, сейчас действуют Правила поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что лишает адвокатов возможности публиковать материалы о злостных нарушениях следствия, прокуратуры, суда, выражать поддержку незаконно обвиняемым или осужденным. Так, был лишен статуса адвокат из Башкирии Виталий Буркин, отличавшийся оправдательными приговорами. В декабре прошлого года решением АП Иркутской области был лишен статуса адвокат Николай Курьянович, кандидат экономических наук, депутат ГД ФС РФ IV созыва, специализирующийся на политических уголовных делах. Как говорит сам адвокат: «Адвокатуры как таковой не существует уже давно... Институт адвокатуры демонтирован, дискредитирован и деморализован. Адвокат низведен до уровня простого статиста, особенно в уголовном судопроизводстве; ему отводится роль декорации на сцене спектакля кривосудия, лишь имитирующего правосудие. Нужна тотальная и радикальная перестройка всей судебной системы и адвокатуры в частности».

12 декабря 2020 года общественная организация адвокатов и юристов «Инициатива-2018» провела онлайн-конференцию на тему «Изменение Кодекса профессиональной этики адвоката». Предполагается, что поправки в Кодекс будут приняты на очередном X Всероссийском съезде адвокатов 15 апреля 2021 года. Какими будут эти поправки, зависит от нас – адвокатов.

Выступление доктора юридических наук, профессора А.В. Рагулина на онлайн-конференции на тему: «Изменение КПЭА» вызвало всеобщую поддержку участников. Предложения эти сводятся к следующему: «Адвокат сейчас лишен возможности избирать и самому быть избранным в органы управления. Фактически органы управления защищают интересы власти, не презюмируется добросовестность адвоката при осуществлении им защиты». КПЭА с юридической точки зрения является сводом нравственных, этических норм и регламентирует порядок дисциплинарного производства. Практика показала, что не те цели были достигнуты, ради которых существуют КПЭА и Закон об адвокатуре.

Еще в 2012 году, рассматривая дело адвоката И.Л. Трунова, судья Лефортовского суда Голованов указал, что «адвокатские палаты не имеют права распространять действия норм КПЭА на иные действия адвоката, которые не связаны с профессиональной деятельностью».

В 2017 году в КПЭА появились ст. 5 ч. 2 и ст. 9 ч. 5, на что адвокаты в силу своей занятости основной работой просто не обратили внимания. За период с 2017 по 2019 год в два раза увеличилось количество сомнительных решений квалификационных комиссий, касающихся привлечения адво-

катов к дисциплинарной ответственности не за профессиональную деятельность, а за то, что имеют свою активную правовую позицию.

В 2019 году вышло Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам № 03/19, касающееся обращений адвокатов за своей защитой в правоохранительные органы. Эти разъяснения по сути своей антиконституционны и противозаконны. Адвокатам запретили обращаться в органы государственной власти о проведении проверочных мероприятий в отношении управленцев от адвокатуры.

Международная комиссия юристов констатирует, что в СНГ преследованию подвергаются адвокаты, имеющие правозащитную, активную гражданскую позицию, и комиссии по защите прав адвокатов, находящиеся в руководстве адвокатских региональных палат, не всегда способны защитить своих адвокатов. К сожалению, это так. Все чаще органы регулирования (палаты) адвокатского сообщества выступают инструментом возмездия исполнительной власти и налагают на неугодных адвокатов дисциплинарные взыскания. МКЮ подчеркнула, что защита прав адвоката должна быть всегда на первом месте, необходима фактическая презумпция добросовестности, действовать без достаточных оснований, опираясь

лишь на голословные обвинения со стороны заявителей и представления от государственных органов власти – это подрыв адвокатской профессии, что в скором времени скажется самыми пагубными последствиями для корпоративного управления.

И вот теперь КПЭА хотят еще больше ужесточить. Всем нам, адвокатам, необходимо понять, что от нашей активности и нашего участия в обсуждении изменений в КПЭА зависит будущее адвокатуры. Не надо ждать и прислушиваться, о ком звонит колокол. Все может измениться в лучшую сторону. Не надо ждать и слушать, по ком звонит колокол – он уже звонит по тебе, мой друг и коллега. Я тоже полагал, что меня это не коснется, ведь я честный, профессиональный, активный, смелый. Но именно эти качества не нравятся нашим процессуальным противникам. В результате КПЭА можно использовать как действенное средство для лишения статуса адвоката.

Если изменения в КПЭА будут внесены, есть риск, что со временем на всей территории Российской Федерации останутся только «кивалы», «решальщики» и «статисты» с удостоверениями адвоката.

Давайте все-таки вместе попытаемся изменить ситуацию к лучшему и восстановим демократический централизм и законность в адвокатских рядах.

А.В. АВАНЕСЯН,
член Адвокатской палаты
Краснодарского края

КПЭА: вопросов больше, чем ответов

Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА) – акт, обладающий нормативными свойствами, который противоречит международному праву и законодательству России, а также нарушает права, свободы и законные интересы адвокатов, создает препятствия в их реализации.

1. В соответствии с Преамбулой КПЭА – «Адвокаты Российской Федерации в соответствии с требованиями, предусмотренными Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в целях поддержания профессиональной чести, развития традиций российской (присяжной) адвокатуры и сознавая нравственную ответственность перед обще-

ством, принимают настоящий Кодекс профессиональной этики адвоката. Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

В КПЭА не разъяснено, что имеется в виду под «профессиональной честью», «традициями», «нравственной ответственностью», «корпоративной дисциплиной», «честью», «достоинством», «авторитетом адвокатуры». Указанные словосочетания неоднократно используются в тексте, однако ни разу им не дано определений.

2. В соответствии со ст. 1 КПЭА «Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности».

Также в КПЭА не разъяснено, что имеется в виду под «нравственными критериями и традициями адвокатуры». Определений указанным понятиям не дано.

3. В соответствии с п. 1 ст. 4 КПЭА «адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии».

При этом в КПЭА не разъяснено, что именно имеется в виду под «честью и достоинством», и в чем отличие таковых применительно к профессии адвоката, в сравнении с любой другой, а также чем честь и достоинство адвоката отличаются от таковых применительно к гражданину, не обладающему статусом адвоката.

В соответствии с п. 3 ст. 4 КПЭА «в тех случаях, когда вопросы профессиональной этики адвоката не урегулированы законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуры или настоящим Кодексом, адвокат обязан соблюдать сложившиеся в адвокатуры обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе».

КПЭА не разъясняет, что подразумевается под «обычаями», а что – под «традициями», в чем разница между указанными понятиями, кроме того, отсутствует перечень или хотя бы пример таковых в адвокатуры. Помимо этого, неопределенной категорией являются «общие принципы нравственности в обществе». Исходя из нормы, не ясно, о какой именно «нравственности», и в каком именно «обществе» идет речь.

5. Исходя из положения п. 2 ст. 5 КПЭА «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуры».

Также КПЭА не разъясняет, что понимать под указан-

ными действиями (бездействием), в чем состоит «доверие» к адвокатуры, от кого оно должно исходить, и каким образом можно его «подрвать».

Исходя из п. 3 ст. 5 КПЭА «злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката».

При этом в КПЭА не разъяснено, что понимать под «доверием», и по отношению к кому, каким образом можно им «злоупотребить».

6. Пункт 4 ст. 9 КПЭА устанавливает, что «осуществление адвокатом иной деятельности не должно порочить честь и достоинство адвоката или наносить ущерб авторитету адвокатуры». Пункт 5 той же статьи гласит, что «в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подрвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения».

Указанная норма, помимо своей неопределенности, входит в противоречие с п. 2 ст. 5 КПЭА, который гласит, что адвокат всегда должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуры, вне зависимости от того, очевидна или нет его принадлежность к адвокатскому сообществу, и какой именно деятельностью он занимается.

Кроме того, КПЭА фактически возлагает на адвокатов определенные обязанности, которые они должны осуществлять в нерабочее время.

7. В соответствии с п. 1 ст. 10 «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя». При этом в КПЭА не разъяснено, что именно понимать под «нравственностью».

8. Исходя из пп. 1, 2 п. 2 ст. 15 КПЭА «адвокат не должен: 1) употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры; 2) использовать в беседах с лицами, обратившимися за оказанием юридической помощи, и с доверителями выражения, порочащие другого адвоката, а также критику правильности действий и консультаций адвоката, ранее оказывавшего юридическую помощь этим лицам».

Перечисленные нормы КПЭА содержат однотипные противоречия законодательству России, а также нарушают права, свободы и законные интересы адвокатов и создают препятствия в их реализации.

Так, обязанности адвоката перечислены в ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации». Перечень является закрытым, и среди обязанностей адвоката не установлено необходимости поддержания «авторитета адвокатуры». Кроме того, указанный ФЗ вовсе не содержит понятий, имеющихся в КПЭА

(«нравственность», «честь», «достоинство», «традиции адвокатуры», «авторитет адвокатуры», «обычаи адвокатуры», «доверие к адвокатуре»), ввиду чего невозможно дать им определения, выявив правовой смысл.

Безусловно, ФЗ об адвокатуре предъявляет к адвокату требования по соблюдению Кодекса. Однако вряд ли это в принципе возможно в случае, когда нарушен критерий правовой определенности нормы. Исходя из правовой позиции Конституционного Суда, выраженной в Постановлении от 15 июля 1999 г. № 11, нарушение критерия правовой определенности является нарушением «принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19, ч. 1, Конституции РФ), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона».

Ввиду наличия правовой неопределенности нормы любой адвокат фактически лишен возможности прогнозирования правомерности своего поведения, что, безус-

ловно, создает препятствия в реализации им своих прав и свобод.

Немыслима ситуация, при которой реализация гражданином своего права на свободу слова (ст. 29 Конституции) и права на обращение в государственные органы (ст. 33 Конституции) расцениваются как нарушение законодательства, которое может повлечь фактически лишение его гарантированного ст. 37 Конституции права на труд – в виде лишения статуса адвоката за «дисциплинарный проступок». Нормы, запрещающие критику адвокатов, а также устанавливающие обязанности по сохранению некоего абстрактного «авторитета адвокатуры» фактически лишают адвокатов, являющихся гражданами России, гарантированного права на свободу слова и нарушают принцип, закрепленный в ч. 3 ст. 29 Конституции РФ: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них».

Кроме того, нельзя не отметить, что, в соответствии со ст. 55 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. КПЭА не является федеральным законом, следовательно, не может устанавливать для адвокатов какие бы то ни было ограничения их прав.

А.А. ПРОСТОЛУПОВА,
член Адвокатской палаты Свердловской области,
член коллегии адвокатов
«Свердловская областная гильдия адвокатов»

Главное – ясность и недвусмысленность

В конце декабря минувшего года на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в разделе «Проекты» были опубликованы Предложения по обсуждению поправок в Кодекс профессиональной этики адвокатов (Кодекс).

Предполагается, что изменения в Кодекс будут внесены на X Всероссийском съезде адвокатов.

Обращаясь к предлагаемым поправкам, хотелось бы проанализировать их с точки зрения соблюдения принципа правовой определенности, который относится к общим принципам права.

Профессор И.С. Дикарев содержание принципа правовой определенности раскрывает через систему следующих элементов:

- 1) стабильность правового регулирования;
- 2) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы;
- 3) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений;
- 4) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики);
- 5) стабильность правоприменительных решений;
- 6) исполнимость судебных решений (Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015. С. 12-13).

Применительно к обсуждаемым поправкам Кодекса особое внимание заслуживает соблюдение такого элемента принципа правовой определенности, как ясность и недвусмысленность правовой нормы, поскольку неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание, а следовательно, неоднозначное применение. Более того, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения.

Так, с указанной выше точки зрения обращают на себя внимание следующие предлагаемые изменения.

Разработчиками поправок предлагается дополнить статью 9 Кодекса пунктом шестым следующего содержания: «В целях предупреждения нанесения ущерба авторитету адвокатуры вице-президент адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и в исключительных случаях вице-президент Федеральной палаты адвокатов вправе направить адвокату предостережение о недопустимости нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса».

В данном случае хочется обратить внимание на два момента.

1. Предостережение как мера реагирования адвокатского сообщества в лице вице-президента адвокатской палаты субъекта РФ на некое поведение конкретного адвоката – абсолютно новая конструкция в регулировании адвокатской деятельности. По этой причине представляется, что закрепление подобного нововведения требует более детальной проработки.

Безусловно, появление в Кодексе указанной меры реагирования является вполне закономерным, принимая во внимание современные реалии. Однако простая констатация наличия соответствующего полномочия у вице-президента палаты субъекта Российской Федерации без закрепления каких-либо правовых последствий направления предостережения создает ситуацию правовой неопределенности как минимум в выборе модели правового поведения адвоката, подвергнувшегося предостережению.

Неизбежно возникновение ряда вопросов, в частности, должен ли адвокат активно отреагировать на вынесенное предостережение? Имеет ли он право на обжалование вынесенного предостережения? Обязательна ли для адвоката корректировка того поведения, которое вызвало указанную меру реагирования? И т.д.

2. Отсутствие критерия исключительности тех случаев, при которых предостережение может быть вынесено вице-президентом Федеральной палаты адвокатов, вызывает явную необходимость последующего толкования указанной нормы, не снимая при этом указанных выше вопросов.

Одна из поправок статьи 18 Кодекса гласит: «Течение указанного срока может быть приостановлено квалификационной комиссией или советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации либо комиссией по этике и стандартам или советом Федеральной палаты адвокатов при наличии уважительных обстоятельств».

В данном случае речь идет о возможности приостановления срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Отсутствие правовой определенности в вопросе неизбежности приостановления срока привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности влечет крайне неблагоприятные последствия для формирования единообразных подходов дисциплинарной практики. Само предоставление возможности уполномоченному органу по собственному усмотрению в схожих ситуациях решать вопрос приостановления/не приостановления соответствующих сроков чревато субъективизмом.

Более того, отсутствие критериев уважительности обстоятельств, способных повлиять на решение вопроса о приостановлении срока, позволяет сделать вывод о наличии в одной правовой норме одновременно двух диспозиций, что явно нарушает принцип правовой определенности.

Указанное, безусловно, препятствует выработке на практике единого подхода к архиважному вопросу приостановления сроков привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности, поскольку нарушение принципа правовой определенности при написании правовой нормы с высокой степенью вероятности может повлечь нарушение этого же принципа в применении данной правовой нормы. Неопределенность содержания правовой нормы допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения.

Подводя итог вышесказанному, хочется выразить надежду на то, что окончательный вариант вносимых в Кодекс профессиональной этики адвокатов изменений будет максимально выверен с точки зрения юридической техники и не противоречит общим принципам права.

В гольф играют настоящие адвокаты

Сегодня в гостях у нашей редакции Андрей Ростомович Тваури, бывший оперуполномоченный отдела по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ, следователь МВД, а теперь адвокат, член Адвокатской палаты города Москвы, занимающийся арбитражной практикой. Знакомьтесь.

АВР.: Андрей Ростомович, добрый день! Знаем, что вы очень заняты по работе, тем более ценно, что согласились ответить на наши вопросы. Чтобы читатели лучше узнали вас, несколько биографических подробностей – где родились, кто ваши родители?

А.Т.: Я родился в 1975 году в городе Тбилиси, тогда еще Грузинской ССР, в семье юриста и врача. Отец работал в следственных органах МВД и прокуратуры. Мама – врач терапевт в поликлинике МВД.

С детства мне было интересно все, что связано с оперативной деятельностью органов внутренних дел и следствием. Иногда, когда это было возможно, папа рассказывал об интересных делах, хитросплетениях следствия, делился навыками и приемами допроса и расследования в целом. Нередко, во время школьных каникул, я пропадал на работе у отца, с интересом наблюдая за всем происходящим. Дома у нас всегда было много юридической литературы и книг по праву, которые я время от времени читал.

АВР.: После школы – институт или армия?

А.Т.: Окончив школу, поступил в Тбилисский государственный университет на факультет экономики. В вузе была военная кафедра, и нас направили на военные сборы на границу Грузии с Турцией. Там же принял присягу, и мне было присвоено воинское звание лейтенанта запаса. Институт окончил в 1997 году, получив специальность экономист.

АВР.: И куда устроились на работу?

А.Т.: Я сразу переехал в Москву и начал свою трудо-

вую деятельность с должности оперуполномоченного отдела по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ. Тяга к юриспруденции меня не покидала, в связи с чем я стал студентом заочного отделения юридического факультета Московского университета МВД. Параллельно с учебной группой прокуратуры, что усиливало мой интерес к работе следователя. В результате после получения юридического образования, уволился с оперативной работы и стал работать следователем в органах МВД.

АВР.: А как в вашей жизни возникла адвокатская профессия? И что повлияло на этот выбор?

А.Т.: В адвокатуру я пришел в 2007 году, сдав квалификационный экзамен и получив статус адвоката. На выбор профессии повлияло, я бы сказал, обостренное чувство справедливости. Поработав в правоохранительных органах, по ту сторону баррикад, я понял, что большинство наших граждан нуждается в квалифицированной юридической помощи и защите своих прав. Также в профессиональной деятельности адвоката подкупала возможность выбора тех дел, которые действительно мне интересны. Это очень важно, когда человек занимается действительно интересным и любимым делом, вкладывая в него не только свои знания, но и душу.

АВР.: Кто-то помогал вам на первых порах в профессии?

А.Т.: Сейчас я занимаюсь в основном арбитражной

практикой. В этой сфере своими учителями считаю те дела, которые вел, именно они дают огромный опыт и знания. Ведь нет дел или ситуаций, похожих друг на друга, в каждом деле свои нюансы, требующие особого внимания, подхода и реализации.

Что касается уголовной практики, то, безусловно, многому меня научил мой папа. В первую очередь это внимание к деталям.

ABP.: Насколько я знаю, у вас своя коллегия адвокатов...

A.T.: Выше я рассказал о делах, которые дают адвокату опыт и новые знания. В этом ключе стоит также отметить и наших оппонентов, называемых противной стороной, которые порой учат нас большему, чем книги, статьи и опыт прошлых лет. Так получилось, что со своим партнером я познакомился в суде, он как раз таки представлял противную сторону и был моим оппонентом. Признаюсь, тот спор я проиграл. Мне очень понравилось, как мой нынешний партнер вел себя в процессе. Примерно через год нас опять свела судьба, но уже не в суде – у нас оказалось немало общих знакомых, и один из них предложил вести дело совместно. Сработали мы отлично, выиграв серию связанных судов, после чего решили объединиться и работать вместе. Так появилась на свет коллегия адвокатов «T.S. PARTNERS» и было принято решение вступить в Гильдию российских адвокатов.

ABP.: Много проблем в работе? С чем они связаны?

A.T.: Первая проблема, с которой сталкивается, на мой взгляд, каждый адвокат и юрист, это несовершенство законодательной и правоприменительной деятельности. К сожалению, не все сферы нашей жизни имеют адекватную, прозрачную и отвечающую сложившимся требованиям правовую базу. Более того, нередко законы

противоречат друг другу, что приводит к неоднозначному их толкованию и порождает благоприятную почву для злоупотребления правом. Очень важно вести постоянный мониторинг судебной практики для четкого понимания, насколько существующая правовая база полноценна и соответствует современным требованиям.

Другая проблема – это недобросовестная и нечестная конкуренция в бизнесе, порой применяющая для давления на оппонентов такой инструмент, как уголовное преследование – возбуждение уголовных дел по так называемым экономическим и «резиновым статьям» УК РФ.

ABP.: Как думаете, какие сложности ожидают молодого адвоката в начале пути, что могли бы ему посоветовать?

A.T.: Главное – не бояться ошибиться, ведь каждая ошибка – это опыт, а опыт – это еще один шаг к успеху. Самая большая сложность – это неуверенность в себе и страх ошибки.

ABP.: А какими, на ваш взгляд, личностны-

Гольф-турнир
в гольф-клубе Агаларов

Турнир в гольф-клубе Целеево

ми и профессиональными качествами должен обладать адвокат, чтобы стать успешным?

А.Т.: Основными профессиональными качествами адвоката являются знание и точное толкование законов, способность правильно выбирать стратегию ведения дела, умение анализировать и сопоставлять доказательства и, конечно же, умение выступать в суде. К необходимым личностным качествам адвоката, пожалуй, отнесу способность слушать и мыслить логи-

чески, а также терпеливость и стрессоустойчивость. А еще нужно быть коммуникабельным и уметь располагать к себе людей, ведь от этого, наряду с другими немаловажными качествами адвоката, зависит, будут ли доверители обращаться к нему и доверять решение своей проблемы.

АВР.: Позволяете ли вы себе эмоционально вовлекаться в дело, которое ведете?

А.Т.: Я отношусь к делам и проблемам своих доверителей, как к своим. Делает ли это меня эмоционально вовлеченным в дело или нет, мне ответить сложно, по крайней мере, я не ощущаю от этого дискомфорт и вполне могу трезво оценить ситуацию.

АВР.: Есть какая-то специфика при подготовке к суду?

А.Т.: Обычно мы с коллегами, помимо составления всех необходимых процессуальных документов, проводим так называемый «мозговой штурм», подробно разбирая дело со всех ракурсов, предполагая разное развитие событий. Это помогает быть готовым практически ко всем сюрпризам, которые могут возникнуть в процессе, а также позволяет оценить непоколебимость позиции.

АВР.: В судебном процессе сегодня существует реальная состязательность?

А.Т.: В арбитражном процессе, безусловно, существует. Что касается уголовного процесса, тут дела обстоят намного сложнее. Не секрет, что органы предварительного расследования придерживаются обвинительного уклона, стадия досудебного производства – сфера функционирования обвинительной власти государства, то есть деятельность, направ-

Супруга Наталья с детьми,
все вместе готовят ужин

ленная на изблечение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В идеале только суд должен гарантировать процессуальное равноправие сторон и справедливое разрешение уголовного дела, только состязательная форма уголовного судопроизводства способна обеспечить человека эффективной судебной защитой. Я уверен, что рано или поздно мы придем к состязательности и в уголовном процессе в том виде, в котором должна существовать состязательность.

АВР.: Как считаете, реформа российской адвокатуры нужна?

А.Т.: На мой взгляд, перспективной реформой института адвокатуры является переход к адвокатской монополии на представительство интересов в суде. Одновременно необходимо поставить вопрос о повышении ответственности и компетентности адвокатов. Адвокатская монополия позволит допускать к защите интересов граждан только высококвалифицированных специалистов и настоящих профессионалов, что значительно улучшит качество предоставляемой юридической помощи обществу, при этом увеличит экономическую привлекательность части рынка юридических услуг.

АВР.: Как планируете день?

А.Т.: Работа адвоката достаточно напряженная и требует системности, сопряжена со значительными умственными нагрузками. Стараюсь концентрироваться на приоритетных делах и задачах, это помогает не упустить ничего важного.

АВР.: А хватает ли время на увлечения?

А.Т.: Восстановиться после тяжелого рабочего дня помогает физическая активность. Я увлекаюсь гольфом и с недавних пор хоккеем. Гольф – отличный вид спорта для всей семьи, он позволяет интересно и продуктивно проводить время с семьей и друзьями. Это даже не хобби, а образ жизни. С того времени, как я начал увлекаться гольфом, а было это в 2011 году, моя жизнь стала потихоньку меняться: отдых планируем только там, где есть гольф-поля и возможность на них играть; в кругу друзей появляется все больше гольфистов, среди которых много интересных и успешных людей.

Кроме того, гольф, помимо физической нагрузки, дает еще и эмоциональную – можно принимать участие во множестве турниров как в России, так и по всему миру, померяться силами с такими же любителями гольфа.

С дочкой Анной перед гольф-турниром BMW

С сыном Даниилом играем в хоккей

Сын Даниил

АВР.: Вы когда-нибудь выигрывали в турнирах?

А.Т.: В 2015 году мне посчастливилось выиграть отборочный турнир, который проводит компания BMW в пятидесяти странах мира, и представлять команду Российской Федерации на международном финале в ЮАР. Это был колоссальный и неоценимый опыт, а также незабываемые впечатления и эмоции.

К сожалению, в нашей стране климат не позволяет играть в гольф круглый год, поэтому зимой я играю в хоккей. Хоккеем занимается и мой пятилетний сын Даниил, тренируется в спортивной школе «Динамо». Мне очень нравится с ним кататься на коньках или устраивать «хоккейные баталии» прямо дома.

АВР.: Ну и несколько слов о семье.

А.Т.: Семья у нас большая, дружная и спортивная! У меня две дочки – Анна и Мария. Сын – Даниил. Супруга Наталья по образованию тоже юрист, но занимается в основном детьми, что неоценимо. Это огромный труд – все спланировать, всех накормить, одеть, приласкать! Я очень ей благодарен за то, что она делает, она большая умница!

АВР.: Андрей Ростомович, спасибо вам большое еще раз за то, что нашли время ответить на наши вопросы.

На вечеринке в гольф-клубе Пестово с супругой и дочерьми Анной и Марией

С.А. СМИЩЕНКО,
член Адвокатской палаты города Москвы

Жалоба на постановление о продлении срока содержания под стражей

А есть ли смысл?

Основной закон государства, многочисленные правовые позиции, изложенные в разъяснениях высших судов о праве на свободу, об условиях и основаниях возможности его ограничения и процедурах в реальности с большим перевесом остаются просто сочетанием слов в упомянутых текстах.

Думаю, каждый практикующий в защите по уголовным делам адвокат уже с легкостью, по памяти может воспроизвести те либо иные положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ по мерам пресечения. Согласитесь, что и судьи их тоже выучили, может, даже где-то благодаря нам. Вспомнил смущение председательствующего, когда в очередной раз сказал: «Согласно пункту... постановления Пленума...»! Да, слушать это все нашим уважаемым судьям надоело, и не по тому, что устали воспринимать одно и то же, а потому, как мне кажется, они понимают, что сделать ничего не могут, это же ответственность, а как ее на себя взять, если зачастую преобладают коллегиальность и конформизм?!

Одна из ключевых проблем, с которой сталкиваюсь не в первый раз, заключается в несвоевременном направлении судом первой инстанции жалобы на постановление о продлении срока содержания под стражей и соответствующего материала в апелляционный суд. Следует отметить, что законодательного закрепления сроков нет. Пункт 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» содержит разъяснение о незамедлительном направлении материала для апелляционного рассмотрения. А что значит эта незамедлительность? Значение одно – скорый, спешный, немедленный.

Какие есть причины в задержке сроков проверки. Начнем с себя.

1. Жалоба отправлена почтой отправлением в последние сутки. Как бы не ругали Почту России с возможными

потерями писем и задержками (у меня за 15 лет был один случай), письмо будет доставлено в ближайшие дни.

2. Подача ходатайства об ознакомлении с протоколом судебного заседания. Из моей практики по одному из материалов после заявления ходатайства судья длительное время не обеспечивал возможность ознакомления с протоколом. Часть 7 ст. 259 УПК РФ предусматривает, что председательствующий обеспечивает сторонам возможность ознакомления с протоколом судебного заседания в течение трех суток со дня получения ходатайства. Действительно, есть и другое положение, дающее возможность суду отсрочить изготовление протокола, но только в силу объективных причин, и об этом участники должны быть извещены с предоставлением информации о дате подписания и времени ознакомления. Лично меня о подобного рода задержках никто не уведомлял, а в ответ на вопросы о длительности я обычно слышал банальный ответ без объяснения причин – протокол не готов.

3. Подача замечаний на протокол судебного заседания. Сроки подачи таковых, как и срок их рассмотрения судом, ограничены ст. 260 УПК РФ, только у нас опять срок – трое суток, а для судьи незамедлительность.

Таким образом, первая причина немного времени, безусловно, отнимает, но к задержкам на месяц привести точ-

но не может. Вторая и третьи причины – проблема организации аппарата конкретного судьи.

Относительно иных причин. В соответствии со ст. 389.7 УПК РФ, положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», суд апелляционной инстанции должен проверить: выполнены ли судом первой инстанции требования ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ, извещены ли о принесенных жалобе, представлении лица, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, направлены ли им копии указанных документов с разъяснением права подачи на них возражений в письменном виде в срок, который должен быть сопоставим со сроком, установленным для принесения самой жалобы или представления, а также соблюдены ли права сторон на ознакомление с протоколом судебного заседания или с другими материалами уголовного дела. Здесь необходимо выделить право на подачу возражений на апелляционную жалобу, который сопоставим со сроком подачи жалобы – трое суток. Практика показывает, что наши процессуальные оппоненты этим правом особо не пользуются, знание статистики апелляционных судов на сей счет не обязывает, видимо. Тем самым от пересылки подобных возражений суды освобождены, что на

общий срок хождения материала по инстанциям влияет только положительно.

В силу изложенных мной причин, которые по сути сведены к процессуальному несовершенству процедуры и, как ни прискорбно упоминать, к волоките, апелляционная инстанция, рассматривая жалобу на постановление о продлении срока содержания под стражей, вынуждено закрывает глаза, так как смысл судебного контроля утрачен, мера пресечения-то уже опять продлена!

Следует обратить внимание, что Европейский суд по правам человека неоднократно обращал на эту проблему внимание, к примеру, по делу «Герджадзе против Российской Федерации» (постановление вынесено и вступило в силу 24.09.2019) было установлено нарушение пункта 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с неоперативным рассмотрением судом жалобы на постановление о заключении под стражу, которое состоялось спустя 32 дня.

Считаю, что срочный судебный контроль, который гарантирован Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, может быть восстановлен внесением соответствующих изменений (разъяснений), заменой понятия незамедлительности на конкретные сроки всей процедуры передачи апелляционных жалоб в вышестоящий суд, ведь это же свобода и конституционное право человека на нее!

А.С. АЛЕШИН,
председатель правления некоммерческого партнерства
коллегии ревизоров, экспертов и специалистов;

А.А. ДЕВЛИКАМОВ,
член Адвокатской палаты Московской области

Преступления в банковской сфере, совершенные с участием должностных лиц кредитных организаций при выдаче ссуд

На современном этапе в деятельности органов предварительного следствия в Российской Федерации все большую актуальность приобретает проблема расследования преступлений, которые имеют место в кредитно-финансовой системе.

Это связано со множеством факторов, среди которых, по мнению авторов, основным является неадаптированность действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства к нормативно-правовым актам, регулирующим деятельность банков. Анализ судебной следственной практики свидетельствует о том, что из

указанной выше категории дел наиболее сложными являются уголовные дела, совершенные с участием членов органов управления банков.

Несмотря на то что Пленум Верховного Суда РФ после принятия постановления от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», уже дважды, 3 октября 2017 г. и 11 июня 2020 г., возвращался к этой проблеме, положение дел к лучшему меняется медленно.

← А.С. Алешин

← А.А. Девликамов

Дело в том, что до настоящего времени следственные органы и суды по-разному толкуют критерии разграничения нарушений, совершенных в ходе предпринимательской деятельности и преступлений, связанных с хищением кредитных денежных средств. По нашему мнению, именно этим обстоятельством следует объяснять и тот факт, что более чем за 7 лет с даты принятия постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» ситуация с применением к подозреваемым и обвиняемым процессуальных мер принуждения не свидетельствует о гуманизации правосудия.

Как видно из судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ, в первой половине 2019 г. количество домашних арестов в 80 раз превышает количество залогов, а на одно решение о применении домашнего ареста приходится 15 судебных решений о заключении под стражу. При этом следует заметить, что такая мера пресечения, как содержание под стражей, применяется, прежде всего, в отношении тех членов органов управления коммерческих организаций, которые активно пытаются доказать, что их действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

Очевидно, что при отсутствии надлежащих доказательств речь может идти о том, что имеет место гражданско-правовой спор между банком и бывшим членом органа управления, который подведомствен арбитражному суду. К сожалению, производство по делам данной категории занимает в арбитражных судах не менее двух-трех лет, что свидетельствует лишь о несовершенстве арбитражного процессуального законодательства и Закона о банкротстве. Кстати, и уголовное судопроизводство по таким делам осуществляется в течение очень длительного времени. Хотя органы предварительного следствия,

возбудившие уголовное дело, как правило, исходят из презумпции виновности кредиторов и заемщиков и ошибочно считают, что в результате перечисления денежных средств на расчетный счет заемщика они выбывают «безвозмездно».

С этим выводом, как правило, соглашаются и органы прокуратуры, утверждающие обвинительное заключение. Хотя очевидно, что при этом полностью игнорируются нормы Гражданского кодекса РФ, которыми установлен судебный порядок признания недействительными (ничтожными) сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (ст. 168 ГК РФ) и/или совершенных с целью противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ).

С учетом того, что действующее законодательство РФ не наделяет органы предварительного следствия и/или прокуратуры правом признания недействительными кредитных договоров, заключенных между банком и заемщиком в установленном законом порядке, следует признать обвинительное заключение, в этой части противоречащим ст. 7 УПК РФ. В связи с чем тезис о «безвозвратности и безвозвратности» денежных средств, полученных заемщиком в результате перечисления денежных средств согласно условиям кредитного договора, который можно встретить практически в любом постановлении о возбуждении уголовного дела в финансово-кредитной сфере, является по меньшей мере необоснованным и немотивированным.

По смыслу норм ст. 168 и 572 ГК РФ сделка, в результате которой одна сторона получила или обязуется передать другой стороне имущество либо встречное обеспечение, не может быть признана безвозмездной. Так как после заключения кредитной сделки и перечисления заемщику кредитных средств имущество банка не уменьшается, а происходит его трансформация, т.е. вместо выданных денежных средств у банка появляется другой актив – за-

долженность по кредитному договору. Данная задолженность, учитываемая на балансе кредитной организации, если иное не доказано в ходе предварительного расследования, должна квалифицироваться как надлежащее право требования кредитора к должнику – как по основной сумме кредита, так и по процентам, предусмотренным условиями кредитного договора. В результате имущество кредитной организации не только не сокращается, что, собственно, должно происходить при безвозмездном выбытии активов, а прирастает за счет начисленных процентов по кредитному договору.

Право требования кредитной организации в отношении основной суммы долга и процентов по кредитному договору является самостоятельным активом, который может быть использован кредитором в гражданском обороте при заключении договора уступки (цессии), перевода долга в целях обеспечения исполнения иных обязательств и совершении других сделок. В связи с чем оно подлежит оценке ее рыночной стоимости в соответствии с ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ». Для практического применения положений законодательства в оценочной деятельности экспертных учреждений Ассоциация российских банков подготовила методические рекомендации «Оценка прав требования по кредитным соглашениям банков»,¹ которые были утверждены Комитетом по оценочной деятельности.

Как видно из методических рекомендаций, определяющую роль при оценке рыночной стоимости прав требований по кредитным соглашениям играет стоимость предоставленного заемщиком обеспечения: залоги, гарантии, поручительства. Также, безусловно, на это влияет стоимость имущества и оценка бизнеса самого должника (заемщика) по кредитной сделке.

Таким образом, учитывая возмездный характер выбытия имущества (денежных средств) банка по стандартной (обыкновенной) кредитной сделке, т.е. с заменой его на другое имущество – право требования к должнику, чтобы в полной мере исполнить указания Постановления Пленума ВС РФ № 48 от 30.11.2017, пункт 30,² необходимо путем назначения судебной оценочной экспертизы произвести оценку рыночной стоимости полученного банком взамен выданных кредитных денежных средств ответного имущества – прав требований к должнику по кредитному соглашению.

При таком квалифицированном подходе к расследованию уголовных дел правоприменители смогут избежать необходимости употреблять в своих квалификациях не

поименованных в законодательстве терминов и конструкций, например, такого, как «выдача кредита «фирме–однодневке». Ведь «фирма-однодневка» – это должник, у которого отсутствует значимое имущество и полноценное обеспечение. Следовательно, результат рыночной оценки прав требований к такому должнику объективно покажет несоизмеримо низкую стоимость актива, поступившего в имущество банка взамен выданных денежных средств. Следствие получит одновременно и доказательство объективной стороны (хищение), и расчет суммы ущерба, причиненного совершенным уголовным преступлением.

Однако в настоящее время едва ли не любой банковский кредит квалифицируется органом предварительного следствия как корыстное преступление со стороны должностных лиц кредитной организации или с их участием, т.е. мошенничеством, присвоением, растратой. Между тем, согласно разъяснениям, которые даны в п. 1 указанного выше Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48, способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве являются обман или злоупотребление доверием.

Чтобы данное условие соблюдалось, еще до возбуждения уголовного дела кредитный договор должен быть признан недействительным в установленном законом порядке. Но на практике это требование выполняется не всегда.

В силу п. 24 этого Постановления, при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 160 УК РФ, судам следует иметь в виду, что присвоение состоит в «безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом поверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника».

Очевидно, что при расследовании уголовных дел, совершенных в банковской сфере, исключительную важность в рамках квалификации корыстных преступлений, совершаемых должностными лицами кредитных организаций, имеет толкование стандартных кредитных договоров и установления правовых последствий их заключения. В связи с чем выявляется актуальность проблемы, поднятой в настоящей статье, и проявляется важность исследования различных подходов к правовым и научно-методическим аспектам обозначенной выше проблемы.

В этих целях мы проанализировали позиции наиболее авторитетных, по авторскому мнению, организаций, специализирующихся в области предупреждения и расследования правонарушений в банковской сфере, в том числе Ассоциации банков России, Высшей школы экономики,

¹ <http://www.ocenchik.ru/docs/456/html>.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Криминалистического центра СК РФ и др. Руководство названных организаций представило нам свое видение методологической сущности взаимоотношений между банком (кредитором) и заемщиком (должником) после заключения кредитного договора и перечисления заемных средств.

Формально правовые позиции всех наших адресатов основаны на нормах ст. 819 ГК РФ, которая предусматривает предоставление кредитором денежных средств заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а также возврат кредитных средств и процентов за пользование ими. При этом все практические работники и ученые согласны с тем, что право требования к заемщику по кредитному договору является полноценным имущественным правом и наряду с другими имущественными правами признается согласно ст. 128 ГК РФ объектом гражданских прав, следовательно, может участвовать в гражданском обороте.

От этого подхода, по-видимому, существенным образом отличается правовая позиция Главного управления криминалистики СК РФ, которое считает, что предоставление денежных средств по стандартной кредитной сделке не является их безвозмездным выбытием из состава имущества банка только при полноценном обеспечении такой сделки. Обращает на себя внимание то, что в данном случае не учитываются Положение Банка России (БР) от 28.06.2017 № 590 и Положение БР от 26.03.2004 № 254-П, которое действовало до принятия Положения № 590.

Названные акты БР предусматривают возможность предоставления заемщикам не обеспеченных кредитов при условии формирования кредитными организациями резервов на возможные потери, связанные с возвратом заемных средств. При этом действующее законодательство РФ возлагает на БР обязанность осуществления надзора за соблюдением кредитными организациями порядка формирования таких резервов. Для этого в кредитные организации назначаются специальные Уполномоченные представители, основной задачей которых является мониторинг всех крупных сделок и оценка правильности формирования резервов. С учетом этого вряд ли законным и обоснованным может быть признано возбуждение уголовного дела по факту хищения кредитных средств без предварительной тщательной доследственной проверки выполнения требования Главного управления БР о необходимости досоздания резервов на возможные потери и отсутствие фактов недостоверности сведений о финансовом положении кредитной организации. Без этого неизбежно возникнет ситуация, когда должностное лицо кредитной организации, привлекаемое к уголовной ответственности за фальсификацию финансовых документов и отчетности в целях сокрытия предусмотренных законо-

дательством признаков банкротства либо оснований для отзыва (аннулирования) у организации лицензии и (или) назначения в организацию временной администрации, будет оправдано приговором суда, но у кредитной организации к этому времени уже будет отозвана лицензия, и в отношении нее будет введена процедура банкротства.

В данной ситуации органы предварительного следствия для подстраховки успевают до вынесения оправдательного приговора по указанному выше уголовному делу вынести сразу несколько постановлений о выделении из него других уголовных дел по фактам хищений денежных средств кредитной организации в результате заключения безвозвратных кредитных договоров. Такая ситуация сложилась вокруг крупного столичного банка, первый заместитель правления которого был оправдан вступившим в законную силу приговором районного суда по уголовному делу, возбужденному по фактам фальсификации финансовых документов и отчетности кредитной организации. Между тем, к этому моменту из указанного выше уголовного дела следственный орган успел выделить еще 6 уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ. В то же время должностное лицо банка, обвиняемое в фальсификации финансовой отчетности, было оправдано вступившим в законную силу приговором районного суда.

В описываемом случае ни одна из кредитных сделок в течение 7 лет после их заключения не была признана арбитражным судом недействительной. А в трех случаях сумма залогового (ипотечного) обеспечения обязательств заемщика еще и сейчас более чем в 2 раза превышает сумму кредита, причем возможность реализации залогового имущества заемщика-банкрота не реализована только вследствие его ареста по уголовному делу. Хотя между кредитной организацией и заемщиками имели место гражданско-правовые отношения, предварительное следствие продолжалось свыше 4 лет, а один из генеральных директоров компании должника, к слову, страдающий серьезными заболеваниями, в течение 3 лет находится в СИЗО.

Результатом излишней поспешности следственного органа в ходе расследования указанного выше преступления стало возбуждение уголовного дела по факту хищения денежных средств банка в сумме 9 419 000 000 руб. путем изготовления трех договоров об уступке прав требования по кредитным договорам в то время, когда эта задолженность уже была погашена. Когда защите удалось доказать отсутствие задолженности заемщиков перед банком, орган предварительного следствия выделил из данного уголовного дела другое, в котором указанный выше эпизод вообще не упоминается. Заметим, что после этого в течение более полутора лет расследование по первому уголовному делу по существу не проводилось.

С учетом правовой позиции Криминалистического центра СК РФ относительно возможности заключения кредитных договоров при условии обеспечения, под которыми, судя по всему, понимается только залоговое (ипотечное) обеспечение, считаем уместным уточнить, что в соответствии с п. 1 ст. 329 ГК РФ перечень возможных способов обеспечения обязательств является открытым. Таким образом, кредитор и заемщик вправе предусмотреть в кредитном договоре и такой способ обеспечения, как гарантийное удержание. Т.е. если в кредитном договоре сторонами предусмотрен такой способ обеспечения, как делегирование кредитору права списания суммы срочной задолженности с соответствующего счета должника (заемщика) в кредитной организации без распоряжения заемщика, следует полагать, что требование о надлежащем обеспечении кредитных обязательств соблюдено.

Однако в другом уголовном деле наличие такого способа обеспечения не стало для следственного органа препятствием для возбуждения уголовного преследования по факту присвоения денежных средств кредитной организации путем выдачи заемных средств по безвозвратному, по мнению следствия, кредитному договору. Причем, орган предварительного следствия полностью проигнорировал тот факт, что в течение срока действия кредитного договора сумма выручки заемщика, которую кредитная организация была вправе списать с его расчетного счета, почти в 3 раза превысила сумму кредита. За время пользования заемщиком кредитными средствами им не только осуществлялись платежи по кредитному договору, но и были уплачены проценты по нему в сумме, составляющей почти четверть от кредитной задолженности перед кредитной организацией. Таким образом, имеются основания считать, что заемщик имел возможности исполнить свои кредитные обязательства, тем более, что срок их исполнения на дату возбуждения уголовного дела не истек.

Надо признать, что в ходе предварительного следствия «отделить зерна от плевел» бывает очень непросто, и расследование уголовного дела требует от следственных органов высокой квалификации не только в области права, но также и специальных знаний в области налогов и финансов. К сожалению, большая часть следовательского корпуса вместо проведения глубокого правового и экономического анализа сделок присваивает себе функцию суда в части признания их недействительными. Во многом это связано с тем, что после получения кредитных денежных средств отдельные недобросовестные заемщики для того, чтобы, как говорится, «спрятать концы в воду», совершают цепочку сделок с контрагентами – заключают договоры уступки прав требования (цессии), купли-продажи ценных бумаг и другие сделки, формально не противоречащие закону. Так, в одном уголовном деле сле-

дователь Главного следственного управления СК РФ, в чем производстве находилось уголовное дело о хищении денежных средств кредитной организации, столкнулся с тем, что заемщиком были последовательно совершены сразу несколько сделок с ценными бумагами (векселями). Следователь не нашел ничего лучше, чем квалифицировать все сделки разом как мнимые (притворные) без соответствующего решения арбитражного суда. Хотя при этом речь шла в том числе о сделках с ценными бумагами (векселями), экспертная стоимость которых, как это было установлено в рамках арбитражного процесса, превышает один миллиард рублей. Обращает на себя внимание, что вывод о том, что один из участников сделки является «технической компанией», был сделан исключительно на основании показаний так называемого номинального директора.

Не ставился вопрос об оценке кредитоспособности компании с учетом стоимости ценных бумаг (векселей) также и перед судебным экспертом. Сам же эксперт после исследования движения денежных средств от банка до заемщика, а от него к двум контрагентам ограничился выводом, что дальнейшее движение денежных средств установить не представляется возможным. Разумеется, такая судебная экспертиза не могла помочь следователю в обеспечении законности в ходе предварительного следствия.

Следует отметить, что в предмет доказывания по уголовным делам о корыстных преступлениях, совершаемых должностными лицами кредитных организаций в связи с исполнением ими своих должностных полномочий, должна входить безвозвратность выбытия денежных средств, перечисляемых заемщиками по кредитным договорам. Такая безвозмездность не может презюмироваться. Ее доказанность является необходимым условием законности и обоснованности приговора суда. При этом нормы ст. 14 УПК РФ, в которых закреплен конституционный принцип презумпции невиновности, возлагают бремя доказывания данного обстоятельства на обвинение.

По мнению авторов, затронутую в настоящей статье проблему невозможно решить без усиления персональной ответственности уполномоченных представителей Банка России в кредитных учреждениях за обеспечение законности при выдаче кредитных денежных средств. Совершенно очевидно также, что необходимо гармонизировать уголовно-процессуальное законодательство РФ с Арбитражным процессуальным кодексом и законодательством о судебно-экспертной деятельности, чтобы избежать возможных противоречий между нормативными правовыми актами общего характера и нормативными правовыми актами специального характера, регулирующими однородные отношения в сфере судебно-экспертной деятельности.

Л.А. СКАБЕЛИНА,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры адвокатуры
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
судебный эксперт

Переговорные навыки адвоката

В своей профессиональной практике каждому адвокату приходится вести переговоры с клиентами, коллегами-юристами, нотариусами и многими другими. И успех таких переговоров часто зависит не только от его юридических знаний и навыков, но и от степени сформированности его психологических навыков ведения переговоров.

Переговоры – это общение двух или более участников с целью достижения результата, которого каждая из сторон в отдельности достичь не может. Переговорный процесс – это деятельность как минимум двух субъектов, каждый из которых руководствуется своими целями, интересами, задачами, намерениями. Переговоры в профессиональной и личной жизни были, есть и будут!

По данным аналитиков Всемирного экономического форума, навык ведения переговоров находится в числе 10 самых востребованных навыков в 2020 году.

Для адвоката переговоры – это возможность досудебного разрешения спора, одной из сторон которого является его доверитель. Ведение переговоров может помочь сэкономить энергию, нервы, время, а

иногда и деньги клиента. Однако юристы не всегда предлагают своему клиенту такой способ решения его проблем. Часто это происходит из-за отсутствия или недостаточного развития у него навыков ведения переговоров. Неуверенный в своей переговорной компетентности юрист просто не предлагает доверителю такого способа разрешения спора. Какие же навыки относятся к числу переговорных? И что такое «навык»?

В психологии под навыком понимается частично автоматизированное действие. То есть действие, которое выполняется привычным способом, без дополнительного напряжения и усилия воли. И для успешного ведения переговоров юристу необходимы именно навыки, а не просто знания и умения. Вы можете прочитать сотни книг на тему «Переговоры», многое знать о методах построения доверия или о манипуляциях, но при этом не обладать автоматическим умением применять эти знания в нужное время.

Среди психологических навыков, полезных для ведения переговоров, адвокату необходимы: навыки установления психологического контакта; навыки аргументации (это не чисто психологический навык, он носит смешанный характер); умение «продвигать» свою позицию (в сложных переговорных условиях); навыки управления эмоциями и многое другое.

Навыки установления психологического контакта необходимы для того, чтобы расположить к себе представителей другой стороны, снять эмоциональное напряжение, которое может возникнуть в нача-

ле переговоров, и создать атмосферу, способствующую сотрудничеству.

Важность применения адвокатом методов психологического воздействия на людей подчеркивал, в частности, выдающийся адвокат С.Л. Ария. Вслед за Дейлом Карнеги, в своей книге «Жизнь адвоката» он рекомендует коллегам следующие психологические приемы:

«← обращаясь к собеседнику, не объясняйте, что вам нужно. Скорее покажите, чем это может быть полезно вашему собеседнику;

– самый сладкий звук для человека – это звучание его имени. Поэтому, обращаясь к своему собеседнику, как можно чаще называйте его по имени, он с радостью вас выслушает».

При подготовке к переговорам адвокату пригодятся навыки самопрезентации, благодаря которым даже в глазах врага можно выглядеть грамотным, доброжелательным, заинтересованным в достижении соглашения.

Самопрезентация предполагает управление впечатлением, которое вы производите на собеседника, целенаправленное создание благоприятного образа в его сознании. Этот результат достигается за счет использования вербальных и невербальных средств, определенных речевых конструкций, деталей внешнего вида, характеристик голоса, мимики, жестов и т.д.

Другой не менее важный навык ведения переговоров – это навык аргументации. В ходе переговоров, отстаивая свою позицию, необходимо подкреплять ее разумными доводами. Это не чисто психологический навык. Он требует также правовых знаний, риторических навыков и навыков логического мышления. Психологическим он становится тогда, когда речь заходит о наиболее благоприятном моменте для изложения аргументов или о последовательности их изложения.

Здесь нет единого правила: от самых убедительных аргументов к наименее значимым или наоборот. Каждый случай индивидуален и требует своего подхода. Иногда лучше сразу заявить «сильный» аргумент, иногда стоит оставить его напоследок. Некоторые сильные доводы похожи на шантаж, и если вы используете их в начале переговоров, вы можете сразу же настроить противника на эскалацию конфликта. В другом случае, если мы ограничимся более слабыми аргументами, мы можем так и не прибегнуть к «сильным».

«Продвижение» своей позиции на переговорах необходимо тогда, когда аргументы не помогают и

приходится прибегать к манипуляциям. Манипуляция – это разновидность психологического воздействия, осуществляемого скрытно, что приводит к односторонней выгоде.

На переговорах всегда есть место манипуляциям. И манипуляции не являются безусловным злом. Приемы, которыми достигается расположение оппонента, создается благоприятный климат, – тоже манипуляции. Это безобидные манипуляции, не причиняющие особого ущерба противоположной стороне. Опаснее другие – грубые манипуляции, приводящие в итоге к существенным односторонним потерям. В их основе – обман, шантаж, насилие. Конечно, такие манипуляции недопустимы.

Важнейшим переговорным навыком поэтому является не только навык применения манипуляций, но и навык отслеживания их использования противником. Умение определять, манипулирует ли тобой оппонент, достигается знанием различных видов манипуляций. «Предупрежден значит вооружен!» Прошедшие обучение на тренинге по манипуляциям обычно легко диагностируют применение манипуляций в отношении них. Кроме того, к сигналам манипуляции относятся:

– преувеличенное количество комплиментов в ваш адрес,

– быстрый темп речи собеседника, снижающий критичность мысли слушателя и повышающий внушающее воздействие,

– повторяющиеся эмоции, в частности, чувство вины, жалости, ощущение неловкости,

– внутренний диссонанс, смешанные разнонаправленные чувства, которые нельзя однозначно отнести ни к положительным, ни к отрицательным,

– чрезмерно щедрые обещания или завышенные суммы возможных убытков.

Следует различать манипуляции и ложь. Манипуляция – это не обман, не введение в заблуждение. Мы придерживаемся позиции отечественной психологии, считающей что манипуляции – это частный случай психологического воздействия.

К числу психологических навыков, полезных адвокату, можно отнести и навык саморегуляции эмоциональной сферы. Профессиональная деятельность адвоката нередко сопровождается особым накалом эмоций. Конфликты и активное противостояние вызывают целый ряд отрицательных эмоций: страдание, печаль, горе, ненависть, гнев и т.д. Напротив, успешное разрешение судебного дела проявляется в положительных эмоциях: удовлетворении, радости, счастье.

Чтобы предотвратить эмоциональное выгорание, полезно владеть навыком контроля эмоций, снятия возникшего напряжения. Привычка применять безопасные для здоровья способы эмоциональной разрядки, такие, например, как спорт, творчество, аутотренинг, помогает адвокату предотвратить достижение критического уровня стресса и эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

К эффективным стратегиям управления стрессом относятся:

1. Рационализация (анализ ситуации, снижение неопределенности, предварительная адаптация к ней). Знание деталей предстоящих переговоров, деталей следующей встречи, информация о личности переговорщиков помогают снизить уровень стресса.

2. Обесценивание, снижение значимости достижения результата. Переговоры – это только один из способов решения проблем доверителя. И то, что

они не достигают поставленных целей, не означает, что проблемы неразрешимы в принципе. Знание того, что переговоры – это только первый шаг, и за ним последуют другие, может помочь вам справиться с эмоциями в случае неуспеха.

3. Предельное мысленное усиление возможных негативных последствий. У самураев есть философский принцип: умереть раньше. Как бы это парадоксально ни звучало, побеждает тот, кто уже мертв. Подумайте о наихудшем сценарии, а затем откройте, как в кино, фильм к самому началу. Теперь уже ничего не страшно!

Все эти навыки можно сформировать и нужно постоянно совершенствовать. Профессиональное развитие есть необходимое условие профессионализма адвоката. Ведь, как сказал Далай Лама: «Как бы ты удобно ни сел, нога все равно затечет, поэтому однажды положение все-таки нужно будет поменять».

Л.Б. ИСАЕВ,
член Адвокатской палаты города Москвы

Торговцы совестью

Хотелось бы поговорить о проблеме, которая, с одной стороны, давно назрела, а с другой – ее либо не замечают, либо настолько привыкли к ней, что воспринимают как должное. Речь идет о злоупотреблениях в сфере пиара, зачастую выходящих за рамки, как минимум, морали и, как максимум – закона. Но обо всем по порядку.

За последние тридцать лет, с переходом к рыночным экономическим отношениям, реклама стала неотъемлемым компонентом любой деятельности, направленной на извлечение прибыли. Я специально не использовал термин «предпринимательской», так как адвокатская деятельность к ней не относится,

но при этом тоже сильно нуждается в продвижении услуг на рынке потребителей. И это абсолютно справедливо: каждый человек, обладающий теми или иными качествами, должен уметь их «продавать», принося пользу и себе, и тем, кто этими качествами пользуется. А чтобы потенциальные «покупатели» этих качеств знали о том или ином продавце, он должен заявить о себе в максимально обширном информационном поле. Для того чтобы квалифицированно ему в этом помочь, и появилась рекламная индустрия вместе с ее подотраслью в виде пиар-индустрии. Она, как и любой общественный институт, весьма неоднородна. Есть там добросовестные компании и специ-

алисты, которые помогают желающему показать свои способности адвокату поделиться своими мыслями на страницах коммерческих печатных изданий, организуют рекламные фотосессии, выступления на коммерческих телевизионных или ютуб-каналах. Но я бы хотел заострить внимание не на них, а на других специалистах, применительно к которым это слово надо заключить в жирные кавычки.

Ни для кого не секрет, что за последние двадцать лет федеральные каналы оказались переполнены передачами, нуждающимися в экспертных мнениях со стороны специалистов из абсолютно разных сфер деятельности: от астрологов до адвокатов. Это и новостные блоки, и журналистские расследования, и многочисленные ток-шоу, в основе которых чаще всего лежат ситуации, требующие квалифицированного юридического анализа. Несмотря на различный характер и тематику вышеназванных передач, их всех объединяет одно: поскольку они идут на федеральных телеканалах, их зрительская аудитория составляет миллионы человек, что налагает на экспертов дополнительную ответственность за каждое сказанное слово и умозаключение. Казалось бы, в такой ситуации отвечающие за подбор экспертов редакторы обязаны приглашать на съемки самых квалифицированных и умеющих в сжатые сроки максимально точно и, главное, понятно объяснить тот или иной вопрос экспертов. Но то, что сейчас происходит вокруг знаковых телепередач центральных каналов, поневоле заставляет в этом усомниться.

В последнее десятилетие ряд пиар-агентств развили бешеную активность в плане предоставления своим клиентам мест экспертов не на коммерческих, а на государственных телевизионных каналах в рамках демонстрируемых там передач. Происходит это по следующей схеме. Заинтересовавшийся услугой человек заключает договор с организацией, предоставляющей пиар-услуги, и, о чудо, в скором времени оказывается под прицелом телекамер самых знаковых ток-шоу страны. Возникает закономерный вопрос: каким таким законным образом коммерческая организация, не имеющая никакого юридического отношения к федеральным телеканалам, способна гарантировать получение места эксперта своему клиенту? С коммерческими СМИ схема понятна: человек заключает договор как с пиар-агентством, так и с создателями частного контента на оказание рекламных услуг. То же самое относится и к публикациям в журналах, официально продающих свои полосы для желающих сообщить о себе и своей деятельности. Здесь все прозрачно и за-

конно: официально продается конкретный продукт, с продажи которого платятся налоги. Но что-то мне подсказывает, что доходы, получаемые пиарщиками от подобного рода деятельности, меркнут по сравнению с доходами, которые приносит «продажа» мест экспертов на центральных телеканалах. Ну согласитесь, желающему заявить о себе эксперту гораздо интереснее сделать это не на ютуб-канале условного Иванова Ивана Ивановича, а там, где его увидит и услышит многомиллионная зрительская аудитория. Но второй вариант порождает нешуточную правовую коллизию: получается, пиар-агентство «продает» место эксперта там, где оно официально предоставляется бесплатно. И это действительно так: будучи экспертом на ток-шоу Первого канала, НТВ и ВГТРК, причем без помощи пиар-агентств, могу сказать, что федеральные телеканалы не занимаются «продажей мест» для желающих продемонстрировать свои знания с пользой для героев ток-шоу и зрителей иных информационных программ. Так не оказываются ли в этом случае «продавцы» заветных мест экспертов в роли Остапа Бендера, продающего билеты в пятигорский Провал в ситуации, когда вход туда был свободный? Давайте попробуем с этим разобраться.

Места экспертов на центральных телеканалах сейчас не только «продаются», но и делается это максимально открыто: через соцсети. Наткнувшись летом на одну из таких реклам в Инстаграме, я решил сыграть роль «юноши пылкого со взором горящим», желающего поскорее проснуться знаменитым, засветившись перед многомиллионной аудиторией. В ответ на мою заявку со мной по WhatsApp связалась руководитель пиар-агентства. Открывшаяся в ходе переписки информация повергла меня в ужас. За стоимость от 75 до 250 тысяч рублей в месяц мне предлагалось на выбор экспертное участие в таких популярных ток-шоу, как «Пусть говорят», «Прямой эфир», «ДНК», «Мужское и женское». Но и это еще не все: также предлагалось участие в передачах на России 24, радиостанции «Вести ФМ», съемки в качестве эксперта в документальных фильмах и спецпроектах для телеканалов ТВЦ, Домашний, Россия, РЕН и др. В общем, все по поговорке «любой каприз за ваши деньги». Одно большое «но»: я в качестве эксперта безо всякой помощи посредников участвовал в съемках телепроекта канала РЕН «Тайны мира с Анной Чапман», также давал юридические комментарии для программы «Настроение» на ТВЦ – никто из редакторов вышеупомянутых телеканалов ни о какой оплате за место эксперта

даже не заикался. О том, что экспертные места на ток-шоу федеральных каналов также предоставляются безвозмездно, я уже писал. В связи с чем в переписке я задал своей собеседнице наивный вопрос: а каким образом юридически никак не связанная с телеканалом коммерческая структура обеспечит мне место эксперта? На что получил ответ: компания занимается этим уже 8 лет, никаких сбоев никогда не было, со всеми каналами у нее «хорошие, партнерские отношения» и «сама технология нашей работы, ее кухня вас не должны волновать».

Конечно, не имея под рукой железобетонных фактов, я не могу ничего утверждать наверняка, тем более со страниц солидного печатного издания. Могу лишь поделиться своими предположениями. Приходит к редактору известного ток-шоу глава пиар-агентства и говорит: «Ко мне обратился клиент, желающий получить на твоей программе место эксперта, дай ему его, пожалуйста, на ближайшую передачу». Что с огромной долей вероятности ответит редактор? «Ты взял с человека деньги за место эксперта на моей передаче, но с какой стати я должен тебе помогать их отработать? Ты для меня посторонний: твоя организация и телеканал, на котором я работаю, никаким образом не связаны. Так что, если хочешь, обратись на коммерческий канал, пусть там организуют для него ток-шоу, которое он пожелает». А вот если пиарщик поделится с редактором гонораром от своего клиента, тогда обо-

юдный интерес ясен. Вот только УК РФ заботливо предусмотрел для подобного рода интереса статью 204, карающую за коммерческий подкуп. Опять же я ничего не утверждаю, а лишь делюсь логическими умозаключениями, которые могут быть и ошибочными, но очень сильно напрашиваются. Возможно, здесь имеет место быть более прозаичная ситуация: ответственный за подбор экспертов редактор настолько обленился, что фактически переложил свои обязанности на пиар-агентства, главный критерий которых не профессионализм потенциального эксперта, а его платежеспособность.

А ведь справедливость, либо ошибочность этих умозаключений можно легко проверить. В последние годы вышло множество блестяще проведенных журналистских расследований, разоблачающих нечистых на руку дельцов и в мире моды, и в сфере образования, и в области паранормальных способностей. С помощью скрытых камер и мастерски построенных диалогов зрителям раскрывается изнанка того мира, который издали кажется таким ясным и понятным. Почему бы не провести подобное расследование и в сфере оказания пиар-услуг? Причем не только журналистское, но и в рамках оперативно-разыскной деятельности. Лично я готов предоставить правоохранительным органам скриншоты переписки с тем пиар-агентством, пусть отправят одного из своих сотрудников с соответствующей легендой, желающего покрасоваться на экране госпо-

дина на встречу с сотрудниками этой организации, оснатив его соответствующей аппаратурой, позволившей досконально установить истинную природу взаимоотношений компании с редакциями передач центральных телеканалов. Да и без моих скриншотов это легко можно сделать: объявления о продаже мест экспертов на федеральном ТВ висят не на столбах, а на видных местах в интернете. В разработку можно взять любое из них.

Интернет, телевидение и печатные СМИ переполнены репортажами о поимке с поличным участников коррупционных схем, подпадающих под статьи о взятках и посредничестве во взятках. К сожалению, иногда там оказываются замешаны и наши коллеги, что дает повод для некоторых алчущих раздутых сенсаций журналистов бросать тень на все адвокатское сообщество, выдавая единичные факты за общепринятую норму. Особо ретивые «акулы пера» стремятся навесить на адвокатов ярлык «почталыоны», мол, вся их функция сводится к тому, чтобы поделиться гонораром с определенными должностными лицами и тем самым спасти доверителя от ответственности. Уверен, что гаденькая поговорка «хороший адвокат знает закон, а отличный адвокат знает судью» состряпана на той же кухне. Но почему никто из них ни разу не заинтересовался сложившейся в области пиар-услуг ситуацией, которая абсолютно на виду и порождает огромные сомнения в законности их оказания? Не хотелось бы думать, что так происходит потому, что львиная доля самих пиарщиков – выходцы из журналистики и обладатели журналистских дипломов. Ведь если адвокат под аудио- или видеозаписи в рамках ОРМ обмолвится о гарантиях достижения конкретного результата для доверителя, то он будет привлечен к уголовной ответственности либо за покушение на мошенничество, либо за приготовление к даче взятки, либо посредничестве в даче взятки. Если он письменно заявит о гарантиях в переписке с доверителем и тот обратится с жалобой в Адвокатскую палату – адвокат будет привлечен к дисциплинарной ответственности. И это абсолютно справедливо. Но тогда мы вправе требовать применения аналогичного подхода и к пиарщикам, продающим тот товар, на предоставление которого они юридически повлиять никак не способны.

Ряд читателей, как это сделали многие читатели моих постов на эту тему в соцсетях, могут задать вопрос: а что же конкретно повергло меня в ужас? Ну продают пиарщики места экспертов на центральных каналах, в чем здесь катастрофа? Ужас в том, что какими бы схемами ни пользовались пиар-агентства,

продающие эти места, даже если они не делятся своими гонорарами с редакторами – главным критерием для того, чтобы стать экспертом, становится не профессионализм и умение четко выражать свои мысли, а деньги. Поэтому профессионал, не желающий тратиться, оказывается за бортом, а его место занимает тот, кто готов не экономить на своем тщеславии. Места экспертов-то не резиновые. И далеко не факт, что оказавшийся за бортом не является намного лучшим специалистом, чем тот, кто заплатил за место эксперта деньги. Чаще всего, к сожалению, наоборот. От этого напрямую страдают и зрители, и герои телепередач, нуждающиеся в точном и квалифицированном совете. Если человека приглашают редакторы как специалиста, то он с огромной долей вероятности будет стремиться выложиться по полной, чтобы оправдать доверие и тем самым убедить руководство программы приглашать его снова и снова. Но получивший место эксперта за деньги чаще всего будет руководствоваться принципом: «я заплатил, остальное не мои проблемы». Отсюда и уровень подготовки к передаче будет на порядок ниже.

Возникает логичный вопрос: что делать? Я предлагаю конкретные шаги: принятие закона, согласно которому пиар-агентства вправе предоставлять место для выступления клиента только на тех площадках, где информационное пространство официально продается по договору оказания рекламных услуг. Если же пиар-агентство будет уличено в оказании услуг по попаданию клиента на теле- или радиопередачу, куда эксперты приглашаются на безвозмездной основе, то оно должно быть подвергнуто многомиллионному штрафу. И это в лучшем случае – если в действиях сотрудников пиар-агентства не выявлены признаки состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ.

Не стоит воспринимать мою статью как выпад в сторону телевизионных редакторов: среди них множество тех, кто добросовестно выполняет свою работу и, делая передачу, думает о ее качестве, а не о том, чтобы угодить наживающимся на чужих амбициях коммерческим структурам. Будучи лично знаком с такими людьми, могу сказать, что они полностью разделяют мое негодование, прекрасно видят проблему, хотят, чтобы о ней как можно больше говорили и желают, чтобы с ней боролись. А тем, кто торгует местами, которые официально должны предоставляться наиболее компетентным экспертам, могу лишь напомнить, что совесть легко продать, но выкупить ее обратно еще никому не удавалось.

Уважаемые читатели!

Чтобы оформить подписку на журнал «Адвокатские вести России», вам необходимо:

- заполнить бланк квитанции;
- оплатить подписку в любом отделении Сбербанка;
- отправить квитанцию об оплате или ее копию по почте на адрес редакции:

105120, Россия, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр.1 или по факсу (495) 917 22 39, e-mail: a_vesti@inbox.ru.

Для удобства оплаты воспользуйтесь опубликованной квитанцией. Ваша подписка начнется со следующего номера на момент получения нами квитанции об оплате.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 2021 ГОД

(двоенные номера):

- 1 номер 180 руб.
- 2 номера 360 руб.
- 3 номера 540 руб.
- 4 номера 720 руб.
- 5 номеров 900 руб.
- 6 номеров 1080 руб.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма ПД-4

Получатель платежа		«Гильдия российских адвокатов»	
		ИНН 7709054993	
		ОАО «Банк ВТБ»	
		БИК 044525187	
Корреспондентский счет		30101810700000000187	
Расчетный счет		40703810200000000102	
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество экземпляров	Сумма
Подписка на журнал «Адвокатские вести России»			
Плательщик			Р 0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Форма ПД-4

Получатель платежа		«Гильдия российских адвокатов»	
		ИНН 7709054993	
		ОАО «Банк ВТБ»	
		БИК 044525187	
Корреспондентский счет		30101810700000000187	
Расчетный счет		40703810200000000102	
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество экземпляров	Сумма
Подписка на журнал «Адвокатские вести России»			
Плательщик			Р 0903

Квитанция
Кассир